

сергей семанов

русский клуб

почему не победят евреи

Сергей Николаевич Семанов

Русский клуб. Почему не победят евреи (сборник)

Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018031

Русский клуб. Почему не победят евреи. : Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-6995-3513-2

Аннотация

В конце октября 2011 г. ушел из жизни видный русский историк, публицист и общественный деятель Сергей Николаевич Семанов. На протяжении многих лет он боролся за государственную целостность и суверенитет России со всеми теми, кто желал «великих потрясений» для нашей страны. Возглавляя в 1970—1980-е журнал «Человек и закон», Сергей Семанов разоблачал коррупционеров в высших эшелонах власти, а позже на страницах своих книг, в газетах и журналах вел бескомпромиссную борьбу с либеральной интеллигенцией, с сионистами и сторонниками глобального порабощения России. Автор бестселлера «Русско-еврейские разборки», он исследовал историю русско-еврейских отношений в России, а также роль национально-патриотических сил в духовном возрождении Отечества. Эта книга – последнее, посмертное издание самых

ярких работ С.Н. Семанова, в которых заострен вопрос, почему Россия оказалась ныне над пропастью, какие политические силы и течения разрушали и продолжают разрушать нашу Родину.

Содержание

Русско-еврейские разборки	5
Русско-еврейская война. Краткий курс	5
Откуда есть пошла русская партия	61
«Молодая гвардия» русского возрождения	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Николаевич Семанов Русский клуб. Почему не победят евреи

Русско-еврейские разборки

Русско-еврейская война. Краткий курс

Заголовок звучит неожиданно. Что за баталия такая, когда и где происходила? Известны и хорошо описаны четыре русско-персидские войны, пять войн со Швецией и с Польшей и аж одиннадцать русско-турецких войн. Во всех этих событиях известны причины возникновения, начало, ход сражений и окончательные итоги. Но русско-еврейская – что такое?..

Да, объявления военных действий тут не случалось, сражений под Кунерсдорфом и Шипкой не наблюдалось, пушки и корабли не стреляли. Так, но острое напряжение между русским народом и еврейской общиной, переходившее по-

рой в прямую борьбу, длится вот уже третье столетие, то затихая, то усиливаясь, и конца этому, к сожалению, пока не предвидится. История этой поистине «странной войны» не написана. Более того, даже говорить о том вслух почитается чем-то предосудительным, тут же раздадутся протестующие голоса, причем с разных сторон.

Однако попробуем разобраться, спокойно и объективно. Как известно, евреи в массовом числе появились в России относительно поздно, в самом конце XVIII столетия – с присоединением областей Белоруссии, Украины и Литвы, ранее захваченных Польшей. Сколько-нибудь значительную роль они стали играть со второй половины XIX века: с одной стороны, возникла крупная еврейская буржуазия, в основном банкирская и торговая. С другой – значительное число еврейских деятелей включилось в российское революционное движение. И то и другое не осталось без общественного внимания. Еврейскую новоявленную буржуазию клеймил в своих сатирах Некрасов, язвил Лев Толстой, сокрушался Достоевский. Ну а участие некоторого числа евреев в покушениях на царя-освободителя Александра II повсеместно вызвало возмущение среди самых широких слоев русского народа.

Еще до наступления мятежного 1905 года евреи в значительной мере становятся во главе так называемого «освободительного движения», как его умеренно-либеральной части, так и крайне революционной. В ту же пору чрезвычайно возросло влияние еврейства в российской культурной дея-

тельности, особенно в периодической печати. В ответ последовали действия властей, самыми приметными из них остались в памяти пресловутая «черта оседлости», затруднявшая большинству лиц иудейского вероисповедания передвижение по коренным землям России, а также так называемая «процентная норма» для тех же лиц при поступлении в университеты. Обе эти неуклюжие меры носили декларативный характер, ибо весьма плохо исполнялись на практике. Однако это давало противникам власти удачный пропагандистский повод (хотя слоган «права человека» тогда еще не был изобретен).

Тогдашнее образованное сословие России, не знавшее еще ни про еврейских комиссаров, ни про еврейских «олигархов», горячо выступало на стороне еврейства, считая ограничения его прав делом несправедливым. К этому числу следует отнести и основную массу учащейся молодежи, весьма действенную политическую силу в ту пору (тогдашние гимназисты и студенты не знали еще про «рабфаки» и «красных профессоров»). Поскольку вождями революционных партий, действовавших среди российского пролетариата, в значительной мере были евреи, то и рабочее движение тоже зачастую выступало с проеврейскими лозунгами.

Попытка создания массовых национальных организаций вроде Союза русского народа и иных подобных оказалась мало действенной и по массовости членов, и по авторитету вождей, и по уровню пропагандистской деятельности. Грубо-

ватая и недостаточно умелая печать «союзников» зачастую лишь отпугивала возможных сторонников. Наиболее популярный деятель их Пуришкевич, шумный оратор и литератор, в исторической перспективе удивительно соответствует Жириновскому, хотя и был тот русским дворянином, а не «сыном юриста». Отсюда логично последовали слабости и несчастный конец всего движения и его вождей.

Самое трудное здесь – память о еврейских погромах в России. Увы, так было. Написаны по тому поводу горы всякой всячины, отмеченной с обеих сторон раздражением, злобой, истерией, но вот беда – ни одного спокойно-объективного исследования пока у нас не известно. Квинтэссенцией взаимного озлобления служит известная формула В. Розанова о погромах: «Спазмы животного, которого заели паразиты». Обратим внимание на оценки: с одной стороны – «животные», совершающие «спазмы», то есть не управляемые даже по-животному действия, но с другой стороны – «паразиты». Получается, что с обеих сторон – недостойные сочувствия твари. Выкладки в розановском духе не распутывали, а лишь крепче затягивали тугой узел.

Меж тем к событиям надо присмотреться хладнокровно. Самые известные погромы – Кишиневский (1903) и Белостокский (1905). Если продрасть сквозь окаменелую пену застарелой злобы, то оказывается, что убитые имелись и с еврейской, и с христианской стороны (не русской, а именно христианской). Видимо, жертв среди евреев было боль-

ше или заметно больше (сомнительные источники тут противоречивы), но дело не в этом: и трагедия, и справедливость равно безразличны к арифметике. И еще: в Кишиневе той поры жили в основном молдаване, украинцы, греки и пр., а собственно русские составляли незначительную часть христиан. Население тогдашнего Белостока поровну делилось на христиан и евреев, но среди христиан большинство принадлежало католикам (в основном полякам), а среди православных – белорусы и обрусевшие поляки, великороссов там было относительно немного. Конечно, это второстепенные обстоятельства, но они во всяком случае бесспорны.

Февральский переворот был явлением стихийным, хотя еврейская финансовая, а также одновременно и революционная верхушка и весь буржуазный Запад этот переворот настойчиво готовили. Облегчила их совместную игру слабая политическая воля Николая II и его окружение (сегодня некоторые неглубокие люди, поддерживаемые заведомыми провокаторами, пытаются представить его чуть ли не гением). Февраль, казалось бы, решал все еврейские вопросы в России – всеобщее равенство перед законом и т. п. Однако еврейское революционное меньшинство не желало этим удовлетвориться и попыталось оказаться непосредственно у руля бывшей Российской империи.

На какое-то время ему это удалось. Февраль с неизбежностью перешел в Октябрь. Почему это произошло, до сих пор идут споры. По нашему убеждению, в тех драматиче-

ских событиях слились два потока, конечные цели которых были противоположными, а силы неравными. С одной стороны – гигантский творческий порыв русского трудового народа, который желал разом, единым напряженным рывком покончить с вековой и всеобщей несправедливостью, царящей на земле. Учредить, наконец, истинное царство свободы, где не будут более править сильные и богатые, где воцарится подлинный мир и равенство и не станет богатых и бедных, знатных и простых, когда все народы сольются навеки в братскую семью. Ведь не в кинофильмах, а в самой реальной тогдашней действительности выводили в тетрадах бывшие малограмотные: «Мы не рабы. Рабы не мы». Великие слова, над которыми напрасно пытаются иронизировать ныне.

С другой стороны, еврейская революционная верхушка попыталась оседлать этот поток и верховодить. На внешний взгляд это, как ей казалось, удалось. Но то был и обман, и самообман. Очень скоро то и другое обнаружилось.

Сейчас в среде либеральной интеллигенции принято ругать «революцию», «советский строй», «коммунизм». Не вступая в спор по сути, отметим лишь одно важное обстоятельство: и «революция», и «строй» не падают с неба, а создаются вполне определенными людьми, чьи имена, происхождение и биографии могут быть изучены и оценены. Так кто же были те люди, которые возглавляли в России всевластные ЦК и ЧК, Коминтерн, Совнархоз, Наркомпрос, Женотдел, РАПП, Рабис, ВХУТЕМАС и Общество воин-

ствующих безбожников? Кто они были – баскаки иноземного захватчика, марсиане, спустившиеся с неба?

Так вот, во главе ЧК, РАППа и Общества воинствующих безбожников стояли в значительном представительстве евреи – русские, польские, венгерские, румынские, всякие прочие, даже американские. Составляли ли евреи во всех главнейших советских ипостасях большинство, даже в их руководстве? Трудно сказать при современном уровне изучения исторических источников, поэтому не станем спешить с ответом. Предварительные размышления приводят к выводу, что нет, не составляли, даже если иметь в виду полукровок и лиц, женатых на еврейках (последних было очень много).

При обсуждении острого вопроса спорщикам порой следует отвлечься... так, на пустяки, как то делают воспитанные англичане за чаем или в пабе. Вот спорт. Коснемся спорта, сугубо нам всем знакомого, советского. Если состав сборных многонационального Советского Союза просчитать по национальной принадлежности, то получится примечательная картина. Баскетбол – прибалты, занимающие ничтожное место в процентном отношении ко всему населению, составляют, оказывается, четверть-треть мест в сборной страны. Вольная борьба: народы Северного Кавказа, чья численность немного более прибалтов, чуть ли не вполовину Тяжелая атлетика или стрельба: почти сплошь славяне. Лыжи – сплошь великороссы. Хоккей – великороссы с небольшими вкрапле-

ниями татар, прибалтов, украинцев, кое-кого еще.

Данные тут объективные, их легко может проверить всякий. Что они означают? А никакой мистики, все объясняется психофизическими свойствами каждой нации. Что ж делать, если природа распорядилась так, что прибалты в среднем выше ростом, чем киргизы или армяне. Что резкость и быстрота движений у осетин и чеченцев выше, чем у русских или латышей. Что стрельба по цели требует крепких нервов, терпения и выдержки, что в изобилии есть у русских. И что бегать на лыжах и играть в хоккей довольно трудно мальчикам из Средней Азии, Закавказья или Молдавии. Все весьма просто, никому не обидно. Или вот подлинный «король спорта» футбол: в 1950—1960-х сборная состояла сплошь из славян с небольшим вкраплением грузин. Потом футбол расширился географически необычайно, и вот в сборной 80-х замелькали имена армянские, татарские, выходцев из Средней Азии и Прибалтики... да кого угодно! Что это значит? Только одно: футбол, как массовый спорт, стал всеобщим увлечением многонациональной страны.

Из далекого от политики спорта можно сделать важный общественный вывод: если та или иная нация в любой социальной сфере занимает место, превышающее ее долю в общем составе народа, это означает, что данная нация имеет к данному занятию большую склонность, чем нации соседние.

Каков был характер «занятий» в ЧКи Коминтерне, не стоит тут говорить: подробности не ясны и скрыты, а общая

нравственная характеристика понятна каждому. Каково было долевое участие российских, венгерских, американских и всех прочих евреев в данных учреждениях? Составляли они 10, 20 или – как говорят иные раздраженные люди – 95 процентов? Сегодня никто этого точно не знает, хотя ясно любому объективному наблюдателю, что последняя выкладка очевидно предвзята. Ну а если только десять? Ведь евреев насчитывалось тогда около 2,5 % населения России, значит, увеличение в четыре раза, то есть на 400 %, это очень-очень много. Значит, евреи имели очевидную тягу к «пролетарской революции», значит, в значительной мере власть в СССР времен его образования можно назвать еврейской. «В значительной мере» – эти слова хотелось бы подчеркнуть.

Кратко отвлечемся еще раз. В народном сознании внешние явления выражаются не с математической точностью, а образно. Веками французы считали, что их соседи немцы – сплошь блондины. Потом этим заинтересовались ученые, и обнаружилось, что в Германии блондинов менее 50 %, то есть меньшинство населения. Что же, французы веками ошибались? Оказывается, нет: во Франции блондинов относительно мало, поэтому сравнение цвета волос у жителей Берлина и Парижа приводило последних к неточно выраженному заключению; оно научно формулируется так: у немцев много больше блондинов, чем у французов.

Для жителей Курска или Ярославля 1920-1930-х годов, где русские составляли подавляющее большинство насе-

ления, люди с еврейской внешностью сравнительно редко встречались на улице или в трамвае. Но когда тот же курянин или ярославец сворачивал с улицы в подъезд райкома, газетной редакции или – волей-неволей! – в ЧК-ГПУ, перед его взором относительное число лиц с еврейской внешностью увеличивалось многократно. Когда-нибудь это можно будет осветить с точными выкладками, ибо архивы сохранились, а пока выстроим два сходных обобщения: 1) все немцы блондины; 2) советская власть в первые два десятилетия была еврейской. Степень достоверности подобных заключений зависит от точки зрения наблюдателя, но сама достоверность в обоих случаях безусловно отразилась.

Если признать, что марксистский социализм и его политические атрибуты принесли благо русскому (грузинскому или тувинскому) народу, то стоит поблагодарить поколение евреев 1920-х годов за это. Если же наоборот, то...

Входе кровавой революционной смуты в России русские и евреи впервые в своей истории вступили в явное, хотя и никак не обозначенное состояние войны. Полюса тут хорошо обрисованы в историографии, литературе, театре и кино, в устных преданиях: еврей – комиссар в кожанке – и свирепый белогвардеец-погромщик. Да, как всякая историческая легенда, эти образы имели под собой реальные исторические прототипы. Вспомним тут нашу классику – роман «Тихий Дон», эту истинную и недооцененную до сих пор «Илиаду» великой русской революции, где дано всем враж-

дующим сестрам по серьгам.

Вот Абрамсон, неизвестно откуда взявшийся комиссар в Ростове, с уст которого слово «расстрел» сходит легко и просто. А вот коренной донской казак, боевой ветеран войны

Дмитрий Коршунов, который палачествует не только над арестованными, но и малых детей хладнокровно убивает. Полюса эти одинаково противны, и таких примеров в подлинной жизни было, увы, предостаточно.

Разумеется, художественный образ, даже сильный и глубокий, не есть уточненное историческое обобщение. Как же обстояло дело в реальной действительности? Источников сохранилось довольно, присмотримся.

Начнем с белогвардейцев. Они сражались за «единую и неделимую Россию» и при этом люто ненавидели «жидов-комиссаров», а с ними порой и все еврейство в целом. Пленив такого комиссара, что, впрочем, случалось не часто, его без церемоний убивали. При этом командование белых сквозь пальцы смотрело на грабежи местечковых евреев, хотя понимало (чем полна белогвардейская мемуаристика), что это разлагает воинскую дисциплину. Но примечательно, что вожди «белого дела» в своих официальных заявлениях по «еврейскому вопросу» были весьма осторожны и даже скромны. Генерал Корнилов, эта олицетворенная «белая легенда», вообще не оставил в память о себе какого-либо высказывания о евреях. Зато в пик своих успехов летом 1917-го был окружен сонмом масонов, самый известный из которых – темно-

ватый Б. Савинков (жена еврейка, от нее же единственный сын). Они-то и выдали пылкого, но политически неопытного вояку Керенскому и другим его «братьям» из Временного правительства.

Генерал Деникин возглавил белые силы на Юге России, где проживала тогда основная масса русского еврейства – от Одессы до Волги. В своих мемуарах Деникин описывает прием еврейской делегации, им было сказано: «Я не имею никаких оснований относиться с особенной симпатией к еврейскому народу. Но из соображений христианской морали и государственной целесообразности я делаю все, что могу, чтобы предотвратить насилие над еврейским населением». В политике деникинского правительства никаких ограничительных мер против евреев не предусматривалось. Исключение касалось только действующей армии: был приказ об отчислении офицеров иудейского вероисповедания в запас, а также «при создавшихся условиях острой борьбы» о непринятии их в Осваг (Осведомительное агентство – нечто вроде белого ТАССа).

Генерал Врангель в своих двухтомных мемуарах вообще не коснулся «еврейского вопроса», хотя среди заметных деятелей в белом Крыму имелись евреи. А уж членов масонских лож в окружении Врангеля и Деникина было полным-полно.

В этой связи не случайно, что отдых белых офицеров в тыловых городах обеспечивал, например, Арон Симанович, тот самый небезызвестный «друг» Григория Распутина. Он по-

ставлял борцам с «жидовскими комиссарами» гимназисток с большими бантами в косах, а кто уж они были на самом деле, знал только он сам и его сутенеры. Да что там «гимназистки»! Под сенью белогвардейского трехцветного стяга сочиняли «патриотические», с христианским порой привкусом произведения С. Маршак, И. Эренбург и даже начинавший в Одессе Э. Багрицкий – те самые, кто позже будут славить комиссаров и их наследников до конца дней своих.

Так вот боролись с «жидами» белогвардейцы.

Ну а сами-то «комиссары в пыльных шлемах» действовали куда круче, целенаправленно и последовательно, о чем сейчас хорошо известно, много достоверного материала опубликовано. Поэтому скажем кратко. «Карающий меч революции» – ВЧК возглавляли в существенной мере евреи, и не очень уж тут важно, какой там пресловутый процент они составляли. Часто ссылаются на то, что Дзержинский был поляк. Да, его мать была польская дворянка, отец – крещенный в католичество еврей, жена – София Мушкат, варшавянка из богатой еврейской семьи, единственный сын от нее. Но дело даже не в этом. Много раз публиковались воспоминательные записи Дзержинского, как он, очень юный революционер, мечтал заполучить шапку-невидимку, чтобы перебить всех москалей (угнетавших якобы Польшу). Повзрослев, Железный Феликс смог приступить к исполнению своей юношеской мечты, не прибегая даже к сказочной шапке.

Главное, что тогдашние чекисты были одержимы духом

мстительной злобы ко всей старой России, которая в их сознании была сплошь «черносотенной», реакционной, а принадлежность ко всему этому толковалась ими весьма широко. В той своеобразной среде, где тон задавали еврейские выходцы, царили презрение и даже ненависть к корневой исторической России, русской культуре во всей ее полноте. Доказательством тут пусть послужат печатные высказывания на этот счет Троцкого, Луначарского и прочих тогдашних вождей революции, включая «многонационального» Ильича. Только осмотрительный Сталин умолчал тут (позже он заговорит).

Сошлемся на общеизвестное. В ЧК сотрудничал писатель Исаак Бабель, а потом до конца дней своих от чекистских дел не отходил, выполняя весьма деликатные поручения. Он и погиб на Лубянке именно как приближенный «врага народа»

Ежова и многолетний любовник его жены. А теперь уместно вспомнить «Конармию» и другие его сочинения, там неприкрыто высказана отрицательная оценка России и Православия. Так думали и многие его сотоварищи.

«Еврейские комиссары» в ходе Гражданской войны не устраивали «погромов» дворянских гнезд и городских особняков – за них это охотно проделали «крестьяне-бедняки» и городская чернь, первоначально это даже поощрялось красными властями. Нет, борьба тут велась не спазматически нервно, как у белогвардейцев, а сугубо рационально, продуманно. Расстрел – основное лекарство «пролетариата»

по отношению к «классовому врагу». О пресловутом «красном терроре» ныне хорошо известно, под его пули попали вовсе не только активные борцы с советской властью, тех было трудно достать, а бывшие офицеры, титулованные дворяне, высшее чиновничество и особенно православное духовенство (раввинов, мулл и баптистских проповедников тогда не трогали). «К стенке» ставились не только иерархи, но и простые сельские батюшки, примеров тому несть числа... Были и выборочные, или, как теперь выражаются, «точечные» расправы: казнили известного публициста М. Меншикова, всех участников процесса Бейлиса и т. п.

Такая вот была у нас «диктатура пролетариата». Этот термин теперь мог бы показаться смешным, если не был бы столь мрачен на деле. В красном Кремле не нашлось ни одного путиловского или сормовского рабочего, но еврейские выходцы засели там в изобилии. Они-то и выступали от имени российского пролетариата, творя его «диктатуру». Вот почему, если в начальной коммунистической терминологии слово «пролетарий» заменить словом «еврей», то все становится гораздо яснее. Например: «У пролетариата нет отечества» – польские трудящиеся уже в 1919-1920-м доказали обратное. Или «пролетарское искусство»; да рабочих силой загоняли на «Мистерию» Маяковского в постановке Мейерхольда.

Многие деятели революционного еврейства в Советской России оставались (да и теперь) в тени, но их подлинное

властное влияние безмерно превышало знаменитых красных маршалов вроде Клима Ворошилова, Буденного или Фрунзе. Впечатляет в этом ряду Эфраим Склянский, сын местечкового лавочника из Фастова, недоучившийся студент-медик. С Февраля он кинулся в революционный водоворот, не имея никакого революционного стажа, однако уже в октябре 1918-го, двадцати шести лет от роду, не имея ни малейшего военного опыта, стал заместителем Троцкого в Реввоенсовете. Троцкий политиканствовал, выступал на митингах, разъезжал по стране, а недавний студент-медик по сути вершил всеми делами громадного военного ведомства. Почему, за какие заслуги?! Но действовал решительно: отправлял на расстрел «пачками», как тогда выражались, брал семьи мобилизованных офицеров в заложники и все такое прочее.

Ясно, что с такой целеустремленностью и с такими вождями красные наголову разбили своих романтических и нервных противников.

Итак, настали победные для «еврейских комиссаров» 1920-е годы – любимейшая пора всех поклонников революции, начиная со свирепого Троцкого вплоть до тихого Мандельштама и его супруги. Действительно, для «избранных», принадлежащих к «пролетариату» и его «культуре», было все: власть, свобода слова, легкий выезд за рубеж, изобилие товаров и услуг, включая игорные дома, проституток и все прочее. Пролетарский поэт Маяковский (супруг Лили и друг Оси Брик) имел собственный автомобиль с водителем –

это примерно соответствует нынешнему «банкиру», имеющему собственный самолет.

Но этот рай мог существовать только при условии, что «моя милиция меня бережет». Ну, милиция-то пустяк, но грозное ОГПУ в эти благоденственные для кого-то 1920-е годы расстреливало легко и охотно всех «недобитых классовых врагов»: попов, кулаков, казаков, русских купцов и «буржуазную интеллигенцию» (бывший актер Императорских театров Мейерхольд числился по «пролетарскому» ведомству). Мало изучена трагедия детей всех этих «бывших», их тогда не брали в университеты, на службу в армию и госучреждения. И это ведь касалось судеб миллионов молодых людей! Зато дети раввинов и местечковых лавочников официально почитались принадлежащими к «угнетенной нации» и пользовались всеми правами «пролетариев».

Кто же правил тогда красной Россией? Возьмем совершенно объективный показатель – Политбюро, избранное в последний раз при жизни Ленина, с соблюдением, так сказать, «ленинских норм партийной жизни», о чем так долго тосковали потом наши русско-еврейские либералы. Итак, по состоянию на 26 апреля 1923 года членами высшего полномочного органа в стране состояли Г. Зиновьев, Л. Каменев, В. Ленин, А. Рыков, И. Сталин, М. Томский, Л. Троцкий, кандидаты Н. Бухарин, Ф. Дзержинский, М. Калинин, В. Молотов, Я. Рудзутак. Немного, всего двенадцать, и люди известные весьма. Кто же они были по «пятому пункту», как

стали позже выражаться в народе российском?

Евреев, так сказать, «по паспорту» было всего трое – Зиновьев, Каменев и Троцкий. У Молотова жена еврейка, влиятельная партдама, с которой он дружно прошел всю свою сложную судьбу. Рыков и Калинин женились на еврейках вторым браком. О родителях Бухарина ничего точно не известно, но все три его официальные супруги были еврейки (от двух из них у него были сын и дочь). О Ленине и Дзержинском уже говорилось. Рудзутак был коренной латыш, о супружестве его ничего пока не известно. О Томском неизвестно ровным счетом ничего. Итак, безусловно никак не связанным кровно с еврейством был один лишь Сталин (первая жена грузинка, вторая русская с грузинской кровью).

Не вдаваясь в подробности, можем смело утверждать, что во всех властных сферах тогдашней советской жизни была примерно такая же картина. Особенно густо евреи осели в органах ГПУ и дипломатии, причем именно эти ответственные товарищи отнюдь не афишировали себя публично, а зачастую шли под русскими именами – Миронов, Островский, Литвинов... перечень можно длить бесконечно. Более того, даже замечать такое вслух почиталось деянием сугубо предосудительным. В те поры вышла известная книга «Евреи и антисемитизм в СССР», автор ее громкоголосый коммунист Ю. Ларин (Лурье), третий тесть же-нолюбивого Бухарина. Автор возмущенно говорил о московском профессоре, который осмелился в каком-то выступ-

лении коснуться вопроса о еврейском представительстве в некоторых областях. Ларин напомнил «буржуазному интеллигенту», что по ленинскому декрету от 1918 года антисемитов полагалось объявлять вне закона, то есть, простодушно толковал он, расстреливать. Коротко и ясно.

Итак, мы приблизительно знаем, как обстояло на самом советском верху. А как было внизу? Достоверных сведений сохранилось немного, подневольные советские граждане боялись вести дневники на подобные небезопасные сюжеты, тем более обсуждать их в переписке. Однако кое-какие материалы по данному вопросу имеются, и красноречивые. Выдающийся русский социолог С.С. Маслов, бывший член Учредительного собрания от Вологодской губернии, после Гражданской войны некоторое время служивший в советской кооперации, затем высланный среди прочих за границу, издал в Париже в 1922 году двухтомный труд «Россия после четырех лет революции». Эта выдающаяся работа известна только узкому кругу специалистов, на нее ссылаются редко, попытка моя переиздать книгу уже в «реформаторские» годы успехом не увенчалась. Работа объективна и полна интеллигентской самокритики, материал там собран редчайший. Вот некоторые главы: «Воровство», «Рост религиозности», «Повышенная оценка образования», «Новое отношение к государству в России» и др., ново и необычно, не правда ли? Там же есть раздел «Юдофобство», на нем кратко остановимся.

Маслов напоминает, что до революции русская интеллигенция почти целиком, а вслед за ней и широкие слои населения во многом сочувствовали евреям, зато после Гражданской юдофобство стало «одной из самых резких черт в лице современной России». И далее:

«Интеллигенция, конечно, не считает советскую власть еврейской, но и она отмечает сильное участие в ней еврейства – участие, которое далеко не соответствует пропорции, которая выражается числом евреев по отношению к числу всего населения России».

Приведя многообразные примеры такого рода из разных сторон тогдашней действительности, Маслов сделал вывод, причем с горечью и безо всякого злорадства: «Советская власть, когда она в руках евреев, проявляется более выпячено своими отрицательными чертами: евреи грубее, наглее, вороватей, у них больше заносчивости, сильнее трети-рование населения». И далее смягчающая оговорка: «Может быть, в этих отрицательных свойствах сказывается невысокий уровень развития того еврейского слоя, который энергично впрягся в советскую телегу...» Ну как нынешнему российскому гражданину не оглянуться на Гайдара и Чубайса, Березовского и Гусинского? И не вспомнить публичный чубайсовский призыв – «больше наглости»?

Любопытно, что наблюдения и выводы С. Маслова вполне соответствуют точке зрения нескольких еврейских авторов, объединившихся в сборнике «Россия и евреи» (издан, разу-

меется, в эмиграции, чуть позже). Авторы были встревожены переизбытком евреев в руководстве «диктатуры пролетариата» в красной России, справедливо усматривая в этом грядущую опасность для еврейства в целом. Книга эта ныне неизвестна, вот для примера лишь краткая цитата: «Теперь еврей – во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии... Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»

Уже говорилось, что свидетельств частных лиц той поры по «еврейскому вопросу» осталось крайне мало («за антисемитизм вне закона»), но они есть, недавно опубликованы. Вот один лишь пример – дневник писателя Михаила Булгакова за 1923–1925 годы. Очень он был раздражен по поводу тогдашнего всевластия евреев, читаем вот: «Френкель, ныне московский издатель, в прошлом раввин (вероятно и сейчас, только тайный)... Это рак в груди». Круто сказано, однако это у Булгакова отнюдь не случайная обмолвка, а осознанное мнение. Сходных суждений, острых или осторожных, можно ныне отыскать немало и без особенных усилий, в последние годы это стало возможно публиковать.

Каково же было русское отношение ко всем этим явным проявлениям очевидного национального ущемления и унижения? Ну, во-первых, существовала в эмиграции немалая часть бывшей белой армии, объединенной в полувоенный Российский общевойсковой союз (РОВС) – несколько ты-

сяч закаленных бойцов, преимущественно офицеров или казаков. То была сила, и немалая! Ненависть к победителям они сохранили, об этом много говорили и писали, но сделать-то ничего не сумели. Несколько малозначащих терактов в Москве, и все. Зато агенты ГПУ хозяйничали в их зарубежных центрах почти как у себя дома, вспомним пресловутую операцию «Трест» и похищение самих руководителей РОВСа генералов Кутепова и Миллера.

Ну а в России? Никакого серьезного организованного сопротивления и тут оказать не удалось, даже попыток таких не обнаружилось. Прежде всего это объяснялось неслыханным коварством и изощренной провокаторской изобретательностью тогдашних карательных органов. Для них создать целую липовую «партию» или «заговор» было гешефтом совершенно пустячным. Но это лишь одна сторона дела, внешняя. Была тут еще одна подоснова, весьма глубокая.

Покойный ныне писатель Олег Васильевич Волков был, что называется, ровесником века, из родовитых дворян, ставший после революции «лишенцем», хлебнувшим все, что выпало тяжкого на русскую долю, вплоть до тюрьмы и лагеря. Судьбу своего поколения он познал вполне. У него есть небольшой, полный трагизма рассказ, действие происходит как раз в 1920-е годы. Бывший гвардейский офицер живет под другим именем, где-то служит. Но каждый год в полковой праздник он в своем подвале надевает сохранившийся мундир и в одиночестве «празднует». Кто-то донес,

и в подвал стали ломиться. Герой, закаленный солдат, принимает решение: нет, он не станет отстреливаться, ну, убьет он еще пару несчастных русских мужиков, а зачем, а потом? И он пускает пулю в себя... Это нежелание бессмысленно проливать братскую кровь воздействовало сильнее всего на многих ненавистников революции, что, например, отчетливо прослеживается в судьбе известного генерала Брусилова, который не принимал еврейских и всяких иных комиссаров.

Именно с 20-х годов великое множество советских евреев, в особенности в сфере искусства, литературы и журналистики, стали брать себе псевдонимы: как правило, русские имена и фамилии. Список таких лиц занял бы целую книгу, не станем о том подробно. Но вот что характерно: попытка «раскрыть псевдонимы» вызывает не только у их носителей, но и множества иных евреев острую враждебность. В пятидесятых годах на тему о псевдонимах высказался Михаил Шолохов. Знаменитого лауреата Нобелевской премии по сей день костерят за это «антисемитом». Но почему, почему же? Ведь не о преступниках или больных дурными болезнями идет тут речь?

Рассказывали, что В. Сырокомский, возглавлявший по существу в 1970-х годах «Литературную газету», шутливо призывал своих присных: «Давайте мне евреев с русскими фамилиями!» Вопрос об именах и псевдонимах стоит очень остро в кругах российской интеллигенции (среди простого народа он не существует лишь при полном отсутствии тут

гласности). Как-то автор этих заметок на одном собрании, куда сходятся самые разные люди, был представлен солидному, приятной внешности человеку, тот назвался: Даль Орлов.

Ну, как было не узнать известного всей стране человека – кинокритика, редактора популярного журнала «Советский экран», ведущего телепередачу с многомиллионной аудиторией «Кинопанорама». Состоялся, как всегда в таких случаях, обмен пустоватыми репликами, и я, чтобы проявить подчеркнутый интерес к случайному собеседнику, спросил: «А что, вас назвали в честь известного филолога?» Воспитанный собеседник проявил некоторую нервозность и ответил уклончиво. Исчерпав пустой разговорчик, мы раскланялись, а наш общий знакомый зашептал мне на ухо: «О чем ты спросил?! Мы с ним выросли в одном местечке, настоящее его имя – Гедали Магазинер...»

У многих евреев на вопрос о псевдонимах существует привычный ответ – они вынуждены скрываться вследствие государственного антисемитизма, вот если бы его не было, тогда... Любопытно. В идеократической стране на верхние посты идеологии допускаются люди разнообразные, но в любом случае – проверенные. Должность «Орлова» по советским правилам – это номенклатура Секретариата ЦК; перед утверждением все необходимые бумаги кандидата на такую должность проходят через множество кабинетов, где украшаются соответствующими визами. Так вот: те, кто разреши-

тельные визы ставил, они-то все прекрасно знали, каково истинное наименование «Орлова», но его на важный пост согласно пропустили. Если таковое называется «государственным антисемитизмом», то что же есть тогда «государственный сионизм»?

В многонациональной стране, где проживает многочисленное и влиятельное еврейство, Гedaли Магазинер имеет полное право выступать толкователем российского кино. Если он будет говорить серьезные и интересные вещи, люди скажут: «Какие умные эти евреи!» Если же он будет нести пошлость и лживую отсебятину, пусть отвечает сам, а не отсутствующий в природе «русский» по кличке Даль Орлов.

В Тель-Авиве издается журнал «22», орган недавних выходцев из России. В справках об авторах, помещаемых в конце каждого номера, нередко имеется примечательная пометка, даваемая в скобках вслед за именем: «псевдоним». Очень разумно, издатели явно учли тут печальный советский опыт! Да, есть право любого печатающегося человека избрать себе любую подпись, но ведь читателям тоже не безразлично, выступает ли автор под своим именем или по каким-либо причинам скрыл его. Странно было бы наблюдать по телевизору выступление человека в маске... Литературные клички – порождение далекого прошлого, когда сочинительство было делом узкого круга, а «средства массовой информации» еще не сложились. Да и слишком уж много накопилось в истории случаев, когда с помощью фальшивых личин дурачили лю-

дей. Вот и следовало бы в наших оглавлениях оговариваться: «Алексин (псевдоним)», «Ананьев (псевдоним)», «Арбатов (псевдоним)»... И так далее до конца алфавита.

«Счастливые» для поколения «пламенных революционеров» 1920-е годы закончились, наступили 1930-е, для большинства из них ставшие весьма печальными. Много, очень много их стало жертвами «необоснованных репрессий», как плакали позже духовные наследники этих самых «пламенных». Особенно впечатляет тут словечко «необоснованные». Тут есть очевидное противопоставление репрессиям, так сказать, «обоснованным», то есть против попов, дворян, кулаков, казаков и «буржуазной интеллигенции». Их-то не жалко было ни тогда, ни в пору позднейшей «реабилитации».

Политическая история 1930-х годов и приход к единоличной власти Сталина в настоящее время хорошо изучены и описаны с самых различных сторон, любой заинтересованный гражданин может выбрать любую точку зрения. Нет сомнений, что в середине 1930-х страна пережила нечто вроде английской «славной революции» или наполеоновской контрреволюции. Но имелась в тогдашней истории России одна существенная, принципиальная разница. В революционной и послереволюционной Англии и Франции у власти находились французы и англичане, горячие патриоты своей родины, они и сделали их великими мировыми державами. В революционной же России, наоборот, власть захватили

нерусские космополитические силы, которые были не только равнодушны к русской исторической сути, но даже прямо и открыто ненавидели страну и народ, кем безраздельно и жестоко правили.

Сталина ненавидели и ненавидят наследники «пламенных революционеров» и их духовные родственники во всем мире. Ведь именно он провел очищение верхов Советской империи, правопреемницы императорской России, от яростных русоненавистников, значительную долю которых составляли, как известно, евреи. Как ни относиться к Сталину, но все же спросим: лепо ли, чтобы Англией или Францией правили франко-ненавистники и англофобы? Случившееся с революционной Россией есть, несомненно, исторический нонсенс, как на это дело ни посмотри. Так не могло долго продолжаться в великой державе, а жестокость Сталина никак уж не более злодейств Троцкого и иных.

Что же произошло в 1930-х годах в ходе русско-еврейской войны? Бросается в глаза главное – верхушка партийно-государственного руководства перестала быть еврейской или про-еврейской. Прежнюю, послереволюционную, в своем большинстве отправили известно куда, а оставшиеся притихли. Подчеркнем, что это вовсе не было проявлением сталинского «антисемитизма», а прямой государственной необходимостью – нельзя вести большое строительство руками профессиональных разрушителей.

Да, оставшийся на вершине власти Каганович уже не

призывал «задрать подол матушке-России», не рушил православных храмов, а деятельно занимался хозяйственными делами гигантского масштаба. На этом поприще еврейская энергетика вообще нашла себе достойное применение, вспомним Ванникова, Зальцмана, Иоффе и многих, многих иных, они вместе с русским народом строили великую советскую индустрию. Сталин как бы переключил разрушительный дух революционного еврейства России на положительные дела в хозяйственной сфере.

В кровавых чистках 1930-х годов содержался, помимо очевидного политического, еще и значительный национально-культурный смысл, до сих пор, кажется, недооцененный. В официальной партийной идеологии не исчезла, разумеется, совсем, но в значительной мере была приглушена традиционная марксистско-ленинская, троцкистская русофобия. Это впечатляюще отразилось в искусстве предвоенных лет, эстетический и нравственный уровень которого был исключительно высок. Еще недавно Эйзенштейн по сценарию Бабеля снимал «Бежин луг» про доносительный подвиг Павлика Морозова, где ключевой сценой стало своего рода ритуальное разорение православного храма. Но уже в 1938-м году тот же Эйзенштейн снял потрясающий патриотический фильм «Александр Невский», где звучала гениальная музыка Прокофьева и блистал талант русского актера Черкасова. И Мейерхольду уже не пришлось корежить русскую театральную классику, зато засияло созвездие МХАТа. Ясно,

что при всевластии Троцкого и Луначарского эти благие перемены были бы немыслимы.

Русское искусство со второй половины 1930-х годов словно пробудилось от русофобского дурмана. В России народный дух яснее всего проявлялся в песенном творчестве. 20-е годы в этом отношении равны нулю (музыка белого лагеря, часто весьма выразительная, тут, разумеется, не в счет). Пытались приучить к пению светловскую «Гренаду», но ее деревянная мелодия никак для русского распева не подходила, а слова оказались корявыми: «Яблочко-песню держали в зубах» – это как? Даже морские львы в цирках «держат» шары на носу, а не «в зубах». Или: «Отряд не заметил потери бойца», «отряд», видите ли, может чего-то «замечать» или «не замечать», чувствовать или быть нечувствительным.

Десяток лет спустя над страной стали звучать песни русского поэта Василия Лебедева, по молодости приклеившего к своему имени «пролетарскую» кличку Кумач. Слова его «Нам песня строить и жить помогает», «Кто ищет – тот всегда найдет!» и множество иных органично вошли в русский язык, стали словами-символами. Именно на этих образах воспитывалось поколение, отстоявшее Родину в дни страшных испытаний. Кстати уж, и сам Светлов (Шенкман) после косноязычной «Гренады» написал добротную песню «Каховка». Как видно, сталинский поворот к национальной культуре оказался полезен и для многих русскоязычных евреев. Однако – и это надо подчеркнуть – еврейская идеоло-

гическая поросль, возвращенная в коминтерновские времена, встретила этот сталинский поворот крайне враждебно. Разумеется, в те времена публично о том было высказываться невозможно, о том выяснилось из позднейших мемуаров (Л. Разгон и др.) и публикаций.

Начавшаяся Отечественная война, как ни покажется странным, не только не приостановила войну русско-еврейскую, но и обострила ее, хотя и происходило то в глубоком сокрытии от всякой гласности. До самых последних лет о том ходили только неверные слухи, но теперь появились документальные публикации, поэтому малоизвестные обстоятельства могут быть прояснены по достоверным источникам.

В мае 1944 года на фронтах великой войны заканчивалось кратковременное затишье – последнее вплоть до Дня Победы. Наши готовили знаменитую операцию «Багратион» в Белоруссии, союзники – высадку в Северной Франции, немцы и их оставшиеся союзники (Румыния, Венгрия, Хорватия, Словакия) готовились исключительно к обороне. Тогда же произошло незаметное событие в мире советской идеологии, ставшее известным полвека спустя из скромной ученой публикации. 18 мая в Москве состоялось узкое совещание историков, созванное ЦКВКП(б). Несмотря на полную закрытость события, споры там шли принципиальные.

В самые тяжкие месяцы 1941 года в выступлениях И. Сталина был сделан очевидный поворот в сторону русско-патриотических ценностей. Итогом этой идейной перестройки

в армейской среде стал приказ начальника Главпура Л. Мехлиса от 10 декабря 1941 года, где лозунг (на газетах, листовках и т. п.) «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» предписывалось заменить на «Смерть немецким оккупантам!» (сам документ был опубликован только через полвека, но знали о том многие).

Все эти примечательные нововведения встретили молчаливое, но упорное и целенаправленное сопротивление еврейской части идеологической верхушки. Уже в сентябре 1942-го (немцы как раз прорывались к Волге) в тихой Алма-Ате выступила историк-марксист Анна Панкратова, одесская еврейка, достойная ученица русофоба Покровского, «ученые труды» ее ничтожны, однако учебники для детей и взрослых она составляла. Панкратова обратилась в Управление агитпропа ЦК с жалобой, что некоторые историки (декан истфака МГУ А. Ефимов и другие) «преувеличивают» наследие Ключевского и иных «буржуазных ученых». Позднее она направила еще несколько писем туда же, последнее от 12 мая 1944 года уже на имя Сталина, Жданова (секретарь по идеологии), Маленкова (оргсекретарь) и Щербакова (в 1942-м сменил Мехлиса на посту начальника Главпура). Одесская революционерка Панкратова не могла, разумеется, возражать против «преувеличения» роли феодала Пожарского, буржуя Минина и реакционера Суворова, но намек-то был именно туда.

Объектом жалоб стал заведующий Управлением пропа-

ганды ЦК Г. Александров, который-де защищает ученых, отрицающих тезис о России как «тюрьме народов» и «жандарме Европы». Заметим, что Александров был доверенным лицом Жданова, ясно, на кого пытались направить гнев Сталина. Панкратову поддержали заслуженные «красные профессора» вполне определенного окраса В. Волгин, И. Минц и Н. Рубинштейн. Совещание в ЦК никакого решения не вынесло, но во всяком случае не поддержало антирусские поползновения Панкратовой и К°. Теперь к Сталину обратились тоже с письмом историки патриотической ориентации – Х. Аджемян, А. Ефимов и Е. Тарле. Точных данных нет, но есть все основания предположить, что Сталин благосклонно отнесся к содержанию письма (к академику Тарле он вообще благоволил и беседовал с ним в Кремле 3 июня 1941 года – дата в высшей степени примечательна; заметим для объективности, что Тарле происходил из крещеных евреев, но космополитом не был никогда). Марксистские ортодоксы об этом узнали или почувствовали. 7 сентября того же года Панкратова обратилась с письмом к Жданову (уже не к Сталину!): «глубоко осознаю и сильно переживаю свою вину» и пр. в том же духе. Закаленная в интригах одесситка, однако, ни словом не обмолвилась, в чем именно состояла ее «вина». Как видно, осторожная, но настойчивая попытка еврейских идеологов переменить прорусские настроения Кремля не удалась, но сам факт весьма примечателен.

В годы Отечественной войны решительно и быстро про-

изошел серьезный сдвиг, даже перелом в русском духовном самосознании. Тут есть две стороны дела, пока еще совсем плохо изученные и осмысленные. Главнейшее тут: русскость как национально-духовное проявление перестала быть сугубо отрицательной, что четко проводилось в 1920-х и лишь несколько было приглушено в 30-х годах. Слово «русский» вошло в официальный лексикон в полноправно положительном смысле. Да, пока еще полагалось бранить «царизм», но привычные слоганы вроде «царские генералы» или «тюрьма народов» исчезли надолго.

Более того. Выселение крымских татар или чеченцев, в немалой степени запятнавших себя кровавыми расправами с советскими гражданами (отнюдь не только великороссами), само собой отодвинуло в небытие давние марксистско-ленинские филиппики о «русском империализме» и стенания о бедствиях «угнетенных народов», что носило явно русофобский характер. Сталинский тост за русский народ в 1945-м победном году поставил тут окончательную точку, и надолго: от Хрущева до Горбачева произнесение чего-либо противоположного стало невозможным (хотя цитировать Сталина не полагалось).

Вторая сторона видится в следующем: русский народ перестал бояться еврея-комиссара и еврея-чекиста. Конечно, армейских комиссаров и сотрудников НКВД побаивались (еще бы!), но то был страх перед обычными органами насилия («правопорядка»), а не страх племенной. Разница тут

громадная. Хорошо помню, как мальчишка военных лет, что тогда и ровесники, и старшие, и взрослые не стеснялись вслух высказывать отрицательные суждения о евреях (как правило, на бытовой почве, подчас грубые и несправедливые). Однако суть тут не в правильности или неправильности данных оценок, а именно в том, что их стало возможным произносить вслух, хоть и не в печати, разумеется. Тут в народном сознании были как бы сняты исключительные привилегии послереволюционного поколения советских евреев, которые стали в первые полтора-два десятилетия СССР как бы «новым дворянством».

Эти новые обстоятельства проявились и на официальном гласном уровне. Любимый герой популярного стихотворного лубка носил «знаковое» имя Василий Теркин. В известных сочинениях тех лет Алексея Толстого, Леонида Соболева, Всеволода Вишневского, даже полуеврея Симонова и множества иных герои носили сугубо русские имена. Не совсем удобно стало изображать ведущих героев с фамилиями Левинсон, Абрамсон, Штокман и подобными, причем вовсе не потому, что цензура проявляла тут «антисемитизм». Это было лишь, согласно эстетическим принципам той поры, «нетипично»...

В годы войны некоторые ограничения на недавнее всевластие евреев в партийной идеологии стали осторожно проявляться. Достоверных сведений известно мало, но процитируем новейшую «Краткую еврейскую энциклопедию» с при-

мечательными подробностями:

«Вначале 1943 А. Щербаков потребовал от редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга «очистить редакцию от евреев». В июле 1943 Ортенберг был снят с поста редактора газеты. В 1943-м началась массовая чистка евреев в Главном политуправлении Красной Армии и политуправлениях фронтов. Снятых с должности политработников-евреев стали отправлять в боевые части» (т. 8, с. 235). В годы войны такую меру следует, безусловно, признать «жестокой», так что недовольство авторов энциклопедии понятно... Отметим лишь, что названные события происходили в том самом году, когда был распущен Коминтерн, а гимном великой страны стал не иноземный «Интернационал», а мощная русская мелодия, начинавшаяся словами «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», а также «нас вырастил Сталин на верность народу».

Немалую роль в обострении русско-еврейских дел сыграло настойчивое требование Еврейского антифашистского комитета создать в Крыму «Еврейскую Советскую Социалистическую Республику» (Крымская область тогда входила в состав Российской Федерации). Письмо о том за подписью С. Михоэlsa и других подано 15 февраля 1944 года (Севастополь был освобожден лишь 9 мая). Кстати, на роль «земли обетованной» в России рассматривалась ими и так называемая «Республика немцев Поволжья», которая только что была очищена от «коренного населения» (крымских татар еще

предстояло выселить).

Бесцеремонные домогательства еврейских националистов в ходе кровавой войны хоть и не получили тогда гласного освещения, но стали относительно широко известны. История та ныне плохо освещена как с русской, так и с еврейской стороны, однако совсем недавно опубликованы донесения сексотов той поры, что сильно расширило картину. Например, приводятся слова В. Молотова: «Биробиджан – это опечатка, и ее нужно исправить. Есть свободные территории: Карачаевская автономная область, Калмыкия, которая опозорила себя изменой... Та же участь постигнет и крымских татар, которые помогали немцам... Или, скажем, Республика немцев Поволжья. Все эти территории и смогут быть переданы евреям после войны...» Теперь известно, что эти опрометчивые обещания Молотов дал под влиянием своей супруги – картинка из «Книги Эсфирь» в советском исполнении, один из многих примеров такого рода. Немаловажно и то, что в США Михоэлс и Фефер в 1943 году вели переговоры о Крыме как будущем пристанище евреев всей Европы.

Примечательны и донесения о росте антиеврейских настроений в стране. Приведем лишь один выразительный пример, мнение инженер-майора А. Клячко, члена партии с 1918 года: «Консолидируются силы реакции, для них антисемитизм – это только одно из орудий. Вот, например, маршалы. Кончится война, они потребуют свою долю власти... Головка армии реакционная. Реакция проникает в руководя-

щие круги гражданского аппарата. Силы реакции скоро открыто выйдут на поверхность. Руководство страны дало уже немало авансов. По этим авансам надо будет платить. Поэтому речь идет не только об антисемитизме. Передовым евреям и передовым русским надо объединяться. Речь идет не о защите советских устоев, а о защите элементарной демократии. Надо отстоять демократию...» (Кстати уж, какие знакомые нам слова! И о «демократии», и о «передовых русских» особенно.)

Еще более характерно, что в отмеченных мнениях постоянно называются партийные руководители высшего звена, обвиняемые в «антисемитизме», чаще других Г. Александров, А. Жданов, Н. Хрущев, А. Щербаков, особенно последний. Михоэлс рассказывал о встрече с ним: «Он выслушал ужасные подробности страданий людей, прошедших муки ада, с ледяным, спокойным и бесстрастным лицом абсолютно равнодушного человека...» Михоэлс говорил тут, естественно, о страданиях только евреев.

Итак, Великая война закончилась Великой победой, русский народ был избавлен от участи стать рабом народа германского. Но одновременно, тихо и незаметно, как нередко случалось в российской истории, наш народ сумел осторожно освободиться от господства еврейских комиссаров, которые, как теперь очевидно, пренебрегали русской культурно-исторической сущностью. Значение этой «незаметной Победы» нами пока плохо изучено и тем паче понято.

После войны русско-еврейские отношения продолжали ухудшаться. Отчасти это было вызвано подъемом еврейского патриотизма (или национализма, как угодно) в связи с созданием государства Израиль. Это проявилось даже среди советской верхушки. О супруге Молотова, известной под псевдонимом Жемчужина (Перл Карповская, 1897–1970), подруге не менее известной Голды Меир, урожденной киевлянке, уже говорилось. Но и супруга Ворошилова, всегда незаметная Екатерина (Голда Горбман), вдруг прилюдно заявила: «Вот теперь у нас есть родина», неосторожные слова эти стали слишком тогда известны. Своеобразная компания сложилась вокруг Е. Аллилуевой, супруги Павла, брата покойной жены Сталина Надежды: И. Гольдштейн, театровед Л. Шатуновская и ее муж физик Л. Тумерман, жена замминистра обороны Хрулева Э. Горелик, помощник Михоэлса филолог З. Гринберг и др. Через нее они пытались как-то выйти на самого Сталина, как и через его дочь Светлану, короткое время бывшую замужем за евреем Морозом и имевшую от него сына. 10 декабря 1947 года Е. Аллилуеву арестовали. Немного позже единственная дочь Маленкова развелась с В. Шомбергом, внуком известного партдеятеля А. Лозовского (Дридзо). Тогда же сняли с поста замнаркома текстильной промышленности Д. Хазан, супругу члена Политбюро и зампреда Совмина А. Андреева.

Сталин, один из организаторов Октябрьской революции, великолепно понимал значение идеологического воздей-

ствия. Он же гениально определил: «Кадры решают все». Очистив перед войной кремлевское руководство от космополитов-разрушителей, после войны он попытался в какой-то мере очистить идеологические кадры от их учеников и последователей. Так началась широко известная и ныне достаточно подробно освещенная «борьба с космополитизмом», не станем на том задерживаться. Тут наблюдались две стороны дела, и обе были осуществлены явно неумело («кадры» исполнителей оказались не подготовлены).

Во-первых, началось медленное вытеснение с идеологических руководящих постов космополитов (без кавычек). Это хорошо описано и сопровождается с одной, и понятно какой, стороны жалобными стонами. Но итог этой шумной и грубой кампании мало что дал, да и не мог принести успеха, если редактор «Правды» П. Поспелов тайно противился этому и подспудно оберегал «космополитов» (есть данные, что настоящее имя его Фогельсон). А вот уж совсем бесспорное: виднейшим в печати разоблачителем космополитов был К. Симонов, осторожный полуеврей.

Во-вторых, с конца 1940-х годов стали поднимать в памяти народной знаменитых, но подзабытых в коминтерновские времена деятелей отечественной науки и культуры (не только, кстати, русских). Тут очень много было сделано положительного и в научном, и в популяризаторском смысле, что не потеряло своего значения до сих пор. Однако работа эта совершалась с вопиющими перехлестами, носившими порой

едва ли не провокационный характер. Отсюда в народной памяти осталась горькая острота: Россия – родина слонов.

Снизу, в широких слоях еврейской общины, патриотизм порой принимал естественное желание выехать в создающийся Израиль и даже сражаться за него с оружием. Нет слов, это стремление следует безусловно почтить естественным и уважительным. Драма состоит в том, что происходило такое в ходе развернувшейся «холодной войны», где события оценивались с неизбежностью двоично: «за» и «против». Советские евреи стремились уехать во враждебное государство, значит... Однако немалая часть их не пожелала смириться с таким положением вещей и попыталась осуществить свои намерения нелегально. Осведомленная в этих делах «КЕЭ» сообщает про сотни (!) евреев-военнослужащих, которые бежали из советской зоны оккупации Германии в западные, как отправлялись многие советские евреи с подложными документами в Польшу, а порой тайно переходили границу. Ясно, какова была судьба тех несчастных, которые попадались на подобных делах. Есть и другая сторона дела: для правоохранительных и политических органов это свидетельствовало о ненадежности еврейства в целом.

Понятно, к каким последствиям все это приводило. В июне 1949-го были уволены знаменитый директор Челябинского танкового завода И. Зальцман, директор авиационного завода в Саратове И. Левин, авиамоторного завода М. Жезлов, замминистра авиационной промышленности С. Сан-

дрец и многие другие в самых разных областях военной промышленности. Дела такие множились: в июне 1950-го уволили директора Института ракетной техники Л. Гонора, тогда же директора московского завода «Динамо» Н. Орловского... перечень можно продолжить, но одними начальниками он не ограничивался.

С 1920-х годов непомерно значительная доля евреев сосредоточилась на руководящих постах в сфере культуры. В конце 1940-х тут началась «прополка», если можно так сказать. Еврейские авторы язвят: в 1949 году «было обнаружено, что в цирках СССР из 87 директоров и главных режиссеров 44 еврея», после чего был уволен управляющий Объединением цирков страны А. Данкман. Но не странно ли, что половина цирковых начальников были евреями? Ведь среди цирковых актеров евреи никак не выделялись численно, ведь качаться на трапеции или поднимать гири вроде бы не есть любимое еврейское занятие...

О последних годах деятельности Сталина достоверного известно мало. Вот, например, детально документирована его роль во время корейской войны. Объективный анализ бесспорно показывает, что глубина оценок и острота суждений не оставила этого человека на восьмом десятке лет жизни. Его последние работы и выступления далеко не бесспорны, однако содержат много интересных идей, часто ли премьеры и президенты, читавшие по чужим бумажкам, могли этим похвастаться? Так, но несомненно, что в последние го-

ды Сталин впал в чрезвычайную подозрительность и недоверие к людям, даже близким. Он заподозрил Молотова, Ворошилова и Микояна, которые, надолго пережив вождя, делом доказали свою верность, а вот хитрецу Хрущеву доверял. В данном контексте речь идет лишь о том, что наследников в своей великой державе Сталин не подготовил. Русский прорыв из коминтерновской бездны некому оказалось продолжить, а лучшие русские кадры – Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и иные – были уничтожены, кровавую провокацию Берии он не распознал («Ленинградское дело»).

После неожиданной и, подозревают, довольно странной кончины Сталина власть чуть было не захватил кровавый русофоб Берия. Его происхождение до сих пор не выяснено, что уже странно. Широкие слои грузинского народа его дружно ненавидят – в противоположность Сталину – и полагают грузинским евреем. Так ли, нет ли, не ясно, однако свою русофобскую сущность за короткое время полуцарствия он вполне сумел проявить. Именно по его настоянию было принято антирусское решение, что в «национальных республиках» во главе должен стоять местный. Он начал чистку патристических кадров в силовых органах и даже в партии. Сразу же амнистировал еврейских арестантов, причем публично и демонстративно: вот, мол, мы какие... Уже в июне 1953 года были восстановлены дипотношения с Израилем (ничего худого нет, но какая спешка, а такие дела свершаются мед-

ленно).

Все грехи дураковатого истерика Хрущева могут быть прощены только за то, что именно его смелыми и решительными действиями этот выродок был свергнут. Хрущев был сугубо русским, таким же и его окружение. Слухи по поводу еврейского происхождения Аджубея все же никак не подтверждены. Среди его помощников евреев тоже не заметно, хотя картина там полностью прояснена. Более того, он был патриотом, но не русским, к несчастью для всех нас и себя, а именно советским в самом точном смысле этого расплывчатого понятия. И еще, его совершенно идиотская ревность к памяти Сталина, на чем и сыграли русофобы. Но уж государственный он был твердый, а что касается приобретательства, что так зловеще засосало его наследников, то тут он был совершенно чист.

Евреев Хрущев не любил, хотя, как истинно советский человек, глубины вопроса не понимал. Да, он поддерживал арабов против мирового сионизма, помогал антиколониальному движению в «третьем мире», пылко увлекался отечественной космической программой, но русской идеи, даже имперской в простейшем понимании, у него не было. Вот почему приходится признать, что еврей Каганович и «жена-тики» Ворошилов и Молотов, верные соратники Сталина, были гораздо более «русскими» политическими деятелями, чем простоватый русак Никита.

При Хрущеве русско-еврейские взаимоотношения приоб-

рели устойчивый, хотя никак юридически не оформленный характер, и это в основном сохранилось неизменно вплоть до последних лет Горбачева. В аппарате ЦК, Совмина, Минобороны, КГБ, на постах секретарей крайкомов и обкомов не наблюдалось лиц с фамилиями Каганович или Шапиро (исключения были лишь для анекдотической «Еврейской автономной области»). Более того, имелись негласные, но известные всем и довольно строгие ограничения при приеме евреев в научные или учебные институты, связанные с оборонкой, некоторые военные училища, а также на идеологические факультеты МГУ, ЛГУ и ряда других крупнейших вузов. Характерно, что даже заявленный в анкете «пятый пункт» иногда проверялся с немалой тщательностью.

Ясно, по меркам классического римского права то было нарушением гражданского равноправия перед законом. Множество русских людей, в особенности среди образованного сословия, сочувствовали тут евреям.

Более того, случаи враждебного проявления к евреям были в ту пору исключительно редки. Тому есть очень мало печатных подтверждений, могу и сослаться на свой опыт внимательного наблюдателя. Однако в генетической памяти народа, включая сюда, возможно, ограниченного Хрущева, это было как бы справедливой мерой против агрессивного засилия «комиссаров еврейской национальности» в недавнем прошлом. Любопытно, что за весь относительно долгий тот исторический период еврейских протестующих голосов не

раздавалось. И не только в СССР, что еще объяснимо, но и в «свободном мире» ни одного исследования о том пока не появилось. Как говорится, тут что-то есть...

Хрущев пытался заботиться о желудках граждан, при нем материальная жизнь народа, безусловно, улучшилась. Но в духовном смысле он принес России одну горечь. О погроме при нем Православия ныне хорошо известно. Всякие русско-патриотические традиции подавлялись. В 1959-м исполнилось 250-летие Полтавы, в 1962-м — юбилей Отечественной войны 1812 года, и крайне мало в печати! Истерическая ненависть к Сталину вызвала у Хрущева ненависть к русско-му патриотизму.

Напоследок о Хрущеве следует вспомнить одну вроде бы незначительную, но характерную мелочь. Вскоре после утверждения во власти Хрущев прогнал тогдашнего министра культуры Г.Ф. Александрова (лето 1955 г.). Состряпали дело на него и еще нескольких, обвинив их (сугубо негласно) в разврате. Зато устная молва о том шумела, связывая последнего сталинско-ждановского идеолога с именем знаменитой русской киноактрисы. Недавно из достоверных материалов стало известно, что все это туфта, и про актрису тоже. Так Хрущев избавился от последнего идеолога с русским настроем.

Брежнев был добрый человек, но слабый руководитель, при нем действительно начался пресловутый «застой». Однако в русско-еврейских делах во время его правления про-

изошли примечательные перемены. Виктория Пинхусовна Гольдберг – так звали в девичестве супругу Генсека. Ее фото в советской печати не появилось ни разу, но в Париж ее Брежнев однажды привез, помню, как вырезали мы из «Юманите» изображения «Виктории Петровны», внешность ее была сугубо местечковой. Впрочем, советский народ этого не знал. Прожила она скромно и добропорядочно, терпеть не могла распутную дочь Галину, которую била по щекам. В дела супруга не вмешивалась, за исключением одного примечательного обстоятельства, о чем далее. Но Брежнев-то знал, кто есть его супруга, и, хоть был пошлый бабник, прожил с женой до последнего дня и был неплохим семьянином.

...В августе 1978-го мне в очередной раз довелось побывать у Шолохова в Вешенской. Разговор шел в его кабинете в присутствии нескольких лиц. Вдруг он спрашивает: «Скажи, – он обращался к младшим на «ты», но сугубо уважительно. – Скажи, правда, что жена Брежнева – родственница Зиновьева?» Чем на это оглушительное известие мог ответить член КПСС и редактор политического журнала? Только вежливой шуткой. Но, вернувшись в Москву, просмотрел все доступные источники.

Тогда семьи местечковых евреев (как и российских мещан) были многочисленны, а родством, даже дальним, в той среде весьма считались. Что ж, автор «Тихого Дона» мог знать или догадываться о многом, нам недоступном...

Брежнев проводил «интернационалистскую» линию во

внутренней политике вместе с Сусловым, Пономаревым и Капитоновым (все женаты на еврейках) и, разумеется, криптоудеем Андроповым. Они действовали очень осторожно, однако русофобская подоснова Суслова и особенно Андропова ныне стала очевидной из документальных публикаций. С другой стороны, прорусские (хоть и в небольшой степени) деятели Мазуров, Полянский и Шелепин были отодвинуты, а самый сильный из них – Машеров – очень вовремя разбился на пустынном шоссе. Теперь-то тут явно прослеживается целенаправленная линия.

Сначала 1970-х произошло нечто новое в политике Советского государства – почти свободный выезд евреев в Израиль. Ну, «зов предков» был тут часто предлогом, половина выезжавших осели по всему свету, даже не залетев на «землю обетованную». Повод нашли, как всегда в таких случаях, весьма «гуманный» – «воссоединение семей». Вот и «воссоединялись» несуществующие семьи во Франции или Канаде. Вся страна знала, что вызовы от израильских «родственников» полная липа, и в КГБ знали о том лучше всех. Но выпускали. Гуманизм гуманизмом, но тут также имелись некоторые проблемы в отношении норм римского права.

В 1970-х годах среди граждан Советского Союза находилось достаточное число людей, которые готовы были покинуть страну по политическим соображениям или за вожденным богатством. Но такая привилегия выпала только евреям. Русские, чеченцы или чукчи ее были лишены. Ну, о

чукчах не будем, но вот чеченцы действительно имели родственников в Турции или Иордании, а русские после двух волн эмиграции расселились чуть ли не по всему земному шару. Но им «воссоединять семьи» не разрешалось. Вряд ли то было гуманно.

В начале широкого выезда советских евреев власти решили было взимать с них нечто вроде налога за получение высшего образования. Дескать, приедут в Израиль или Штаты с готовыми дипломами, а там-то они за деньги приобретаются, и немалые... И вот тут, свидетельствовали знатоки из аппарата ЦК КПСС, доброе еврейское сердце Виктории Пинхусовны не выдержало, и она попросила супруга не прижимать так уж отъезжающих на историческую родину соплеменников. Любящий супруг просьбу уважил. Советские евреи увозили свои здесь приобретенные дипломы бесплатно.

Руководство Брежнева – Суслова последовательно применяло в идеологических делах «политику качелей». Послабление «еврейской стороне» с подобающим антрактом представлялось затем и стороне «русской», и наоборот. Разумеется, эти самые послабления в условиях жесткого надзора были ничтожны, однако замечались всеми, в особенности обеими названными сторонами. Хрущев грубо пренебрегал русским самосознанием, женатые на еврейках Брежнев и Суслов были куда осмотрительнее. Именно при них создалось скромное поначалу Общество охраны памятников истории и культуры, из недр которого выросли едва ли не все дея-

тели первой волны Русского Возрождения. Выходил не без трудностей либеральный «Новый мир», появилась и окрепла русская «Молодая гвардия».

Но вот что характерно. Первые шаги Русского Возрождения вызвали резкий отпор именно еврейской стороны, назовем лишь язвительные статьи в адрес «Писем из Русского музея» В. Солоухина, где ни малейших антиеврейских выпадов не было, а только сожаления об утратах русской культуры в начальные годы советской власти. Еще более характерен тогдашний самиздат, где мнения, естественно, выражались куда более откровенно. Вот известный Г. Померанц, его работа точно датирована: «Пицунда. Сентябрь 1967 – октябрь 1968». Читаем: «Уже сегодня русская почвенная идея, не успев завоевать признания, опошлилась. Привычный национализм дает Солоухину и Глазунову, Кожинovu и Палиевскому удобную позицию, с которой можно уклоняться от нравственного выбора, сохраняя обманчивую окраску порядочного человека, и делать независимые жесты без риска неприятностей. Ибо кому следует ясно, что это всего лишь неофициальная разведка официального погрома». Злоба сатанинская, хоть и суховато выраженная.

Когда-то оружием «пролетариата», ведомого еврейскими революционерами, был булыжник. С началом брежневского правления оружием еврейских кругов стал институт помощников и консультантов (так и вспоминается булгаковский «консультант с копытом»).

Умственный и образовательный уровень Брежнева был убог, Суслова и Андропова получше (ненамного!), зато все они не имели и тени решимости и размаха (часто дурацкого!) Хрущева. К тому же Брежнев отличался вялой ленью, отлынивал от работы, отдавая время бабам, домино и охотничьим забавам. Куда прислониться слабому и ленивому уму? К доверенным лицам, причем негласным, чтобы не породить ревность. Уже в начале высокой карьеры, в 1958-м, у Брежнева появился первый такой помощник, который потом сопровождал его всю жизнь, – Цуканов Генрих Эммануилович (позже ему переправили имя на более благозвучное – Георгий). Этот еврей писался русским, инженер-металлург, работал вместе с будущим Генсеком еще с довоенных времен, пользовался его полным доверием, никогда публично не вылезал, даже после кончины начальника. Был он близким человеком Брежневу; когда в начале 1970-х у Цуканова внезапно скончался сын, Генсек самолично участвовал в скромных похоронах на Новодевичьем, что никакими протоколами не предусматривалось. Цуканов был с молодых лет знаком с Викторией, по бабам и пьянкам не шатался, что укрепляло его положение при Генсеке.

Таков был главный советник Брежнева, причем самый незаметный из иных. А вот все остальные, напротив, охотно светились, люди известные, написавшие потом фальшивые «мемуары». А. Александров-Агентов, Г. Арбатов, А. Бовин, Г. Замятин, Н. Иноземцев. Все до одного еврейского проис-

хождения. Агентов женат на еврейке. И это происходило при так называемом «государственном антисемитизме» в Советском Союзе. Кто же тогда этим Союзом управлял? Добавим, что Суслов очень прислушивался к своей жене, директору Московского стоматологического института, а его всевластный помощник

В. Воронцов женат был на ее сестре, что тщательно им скрывалось. И еще, круг советников Брежнева и криптоиудея Андропова во многом совпадал.

Ясно, что переход власти от Брежнева к Андропову прошел гладко и естественно, без всяких значительных кадровых перемен. Да, по-прежнему в ЦК КПСС или КГБ СССР не висели на дверях кабинетов таблички с фамилиями Абрамович или Ясин (это случится при «демократии»), но высшие «консультанты» оставались те же. О проеврейском правлении Андропова и его кадрах написано уже довольно, сошлемся уж и на нашу книжку о нем. Русофобия его отчетливо выявлена и документирована, об этих хорошо известных делах говорить тут не станем. Достаточно вспомнить мелочь: именно Андропов извлек наверх дебильного Гайдара-внука, фанатичного ненавистника всего русского.

Не стоит внимания и пятнистый ублюдок, продажный и трусливый подкаблучник. Да и скучно, ведь давно описаны взятки, которые давали ему и жадной Раисе темные ложи, в которые он вступал, агенты влияния, шептавшие ему «советы» в тщеславное провинциальное ухо. Так что толковать

сейчас о его позорном «царствовании» нет смысла. Пока. Но он просуществует долго, как резиновая галоша, и дотянет, пожалуй, до своего трибунала. Вот тогда он расскажет кое-что неизвестное.

О сегодняшнем состоянии обрезанной России и кто ею ныне управляет, тоже говорить нет смысла, это понятно даже самому темному телезрителю. Сами евреи о нынешней кремлевской верхушке по национальному составу говорить вслух не желают и, полностью оседлав центральное телерадио, другим тоже не дают. Прорвался до печати лишь легкомысленный «американец» Топельберг Эдуард Хаимович да рывкнул по телику русским матерком отставной Макашов. И все. Тот и другой ничего серьезного, разумеется, не сказали.

На эту тему осторожно высказалась лишь одна ученая дама – Р. Рывкина, соавтор шумной когда-то Т. Заславской (обе они соавторы вредительского проекта о погребении русских «неперспективных деревень»). Дама писала еще в 1996 году: «Позитивная тенденция постсоветской эпохи, расширившая возможность для самореализации евреев, – это развитие рыночной экономики. Реально сегодня, как в эпоху революции 1917 года, еврейская интеллигенция снова является собой один из наиболее активных отрядов реформаторов – банкиров, руководителей новых общественных организаций, работников прессы и др.». Ну, о роли в Российской Федерации еврейских «банкиров» и «работников печати» мы спорить не станем, характерна тут и параллель с 1917-м.

Все неустройства нынешней России эпохи «дикого капитализма» современные либерально-еврейские публицисты пытаются переложить на русский народ. Недавно, уже в марте 2004 года, о том высказался Бенедикт Сарнов: «Мы живем в стране с тяжелой наследственностью, и это не только советская наследственность, она ведет свою историю от Ивана Грозного, царствования Николая I... Спросите у любого русского человека, что он предпочтет: свободу или безопасность. Конечно, он выберет безопасность».

Не любят нас, русских, Сарновы, но почему-то обязательно требуют в ответ нашей любви к ним. Что ж, по праву русского человека попробую ответить про нынешнее наше понимание свободы и безопасности. Отвлечемся на миг от суровой современности. Вспомним знаменитую картину «Последний день Помпеи». В центре изображена супружеская пара, пытающаяся укрыть от огненного камнепада двух малых деток. О чем они думали тогда, о свободе или безопасности?..

Патриотическую точку зрения на случившиеся печальные события в недавнем прошлом четко выразил философ и популярный публицист Александр Ципко: «Основными субъектами нашей августовской, 1991 года, революции были прежде всего те, кто пострадал от пресловутого «пятого пункта» и кто считал, что из-за советского государственного антисемитизма он не смог себя реализовать в полной мере... Лично для меня это время создания межрегиональ-

ной группы и выхода на политическую сцену активных деятелей кружка Сахарова и превращение его жены Елены Боннэр в духовного лидера демократической оппозиции было переломным... Уродство нашей демократической революции, уродство созданного ею режима, уродство наших экономических реформ и, прежде всего, нашей приватизации вызвано корыстными, эгоистическими интересами ее творцов, вызвано пристрастиями и страхами советской социалистической еврейской интеллигенции».

И как вывод, краткий и четкий: «Смысл всей этой революции состоял в том, чтобы окончательно отстранить народ, и прежде всего русских, от власти... Речь, наверное, сегодня должна идти прежде всего о том, что пора доверить Россию русским. Без этого радикального перелома, наверное, мы никогда не станем демократической страной» (См. «Россию пора доверить русским». М., 2003).

Тысячелетняя история государства Российского доказала несокрушимо, что нас завоевать извне никому не удавалось. Даже во время пресловутого монгольского завоевания на Руси правили русские князья, и по своим законам, а весь народ жил по вере отцов. Но в веке XX дважды в стране захватывали власть антирусские силы, которые творили свое правление по чуждым законам, пытались вытравить народную веру и культуру. В начале века то были Троцкий и Зиновьев «со товарищи», теперь... не хочется называть мерзких тех имен, ненавидимых, и открыто, всем народом российским. Конец

первых известен, и он был для них не совсем благополучен. Пусть нынешние не надеются на исход иной, а каков будет и когда он случится, — не наше дело пророчествовать.

Наконец, как и во всяком справедливом рассмотрении дела, укажем на «смягчающие обстоятельства». Да, десяток лет после 1917-го и после 1991 годов Россией управляли в общем и целом евреи, это факт, хоть многим очень неприятно такое признать. Но какие это были евреи? Возьмем случай первый, рассмотрим один вопрос: образование. Троцкий окончил лишь «городское училище» (по-нынешнему «восьмилетка»), Зиновьев после «домашнего образования» проучился один курс в Бернском университете, а Луначарский — пару курсов в Цюрихе. Каменев — семестр на юридическом в МГУ, там же пару курсов продержался будущий «теоретик партии» Бухарин (напомним уж, три жены-еврейки).

Итак, среди знаменитой «ленинской гвардии» не сыскать ни единого профессора или раввина. Случай второй, нынешний, казалось бы, обратный. Какие ученые погоны навесили на себя ловкие евреи-разрушители! Недоразвитый Березовский — академик, Гайдар и Явлинский — доктора, профессора и так далее. Но все знают цену их учености и уму, их подлинным знаниям. И опять же: среди нынешних тоже ведь нет ни одного истинного профессора МГУ или ЛГУ, как и ни одного ученого раввина.

Зато нравственный и уголовный уровень у первой и второй «волны» полностью совпадает. Так что в обоих случаях,

как можно полагать, Россией управляли и управляют не еврейство в целом, а его отребье. Как ни суди, но это все же «смягчающее обстоятельство» для российского и мирового еврейства в целом.

Ну а нам, русским, следует все же озаботиться поучительными выводами на будущее. Дважды при нашем попустительстве Кремль захватывали русофобские силы. Первый раз пронесло, во второй дело идет к тому же. Так пусть же наши сыновья и внуки, учтя горькие оплошности отцов и дедов, не допустят третьего случая такого же. Уж он-то наверняка может стать для нашей Родины последним.

Откуда есть пошла русская партия

Имена и названия, которые дает сама История, неоспоримы и не отменяемы. Обратимся тут к опыту Великой Русской революции. Остались навсегда в памяти знаменитые слова: «большевики» и «меньшевики». Ясно, что в самом наименовании первые неоспоримо предпочтительнее вторых. Сколько уж написано, и справедливо, что оба наименования случайны, возникли в связи со второстепенными событиями, сколько бы ни отрицали меньшевики свою кличку, именуя себя на европейский манер «социал-демократами», все напрасно. Как были «при жизни» меньшевиками, так и остались таковыми в истории, то есть как бы вторичными, даже второстепенными по сравнению с их соперниками большевиками.

То же произошло и с главной партией тогдашней русской буржуазии. Ее деятели уже летом 1905 года выпендренно называли себя Конституционно-демократической партией. Тяжеловесное это название тут же в народном восприятии сократилось в аббревиатуру «к. д.», а в произношении просто «кадеты» – в ту пору очень распространенное слово, обозначавшее младших воспитанников военных училищ. Так они в истории и прописаны. Ужасно обижались интеллигентные кадетские деятели на такое название, после Февраля 1917 года сами себя нарекли Партией народной свободы, но этого

никто и не заметил-то, тем паче внимания не обратил. И тогда, и ныне в исторических трудах у нас и за границей именуют тех неудавшихся политических западников коротко и просто: «кадеты»...

Русское духовное возрождение, пережившее страшный погром революционеров-интернационалистов в двадцатых годах, переживало, как можно заключить, два этапа, весьма разнящиеся как хронологически, так (и в особенности) по политическому содержанию. В первый раз оно проводилось сугубо «сверху», при Сталине в конце сороковых начале пятидесятих годов. Это очень интересный исторический сюжет, до сих пор не получивший сколько-нибудь серьезно-го научного изучения и, тем паче, осмысления. Рассмотрение вопроса выходит за рамки нашей скромной работы, скажем совсем кратко: Сталин на подъеме послевоенного патриотизма повел широкую кампанию по возрождению государственного российского патриотизма (он именовался, разумеется, советским). Одновременно повелась борьба с космополитизмом (тут слова точно соответствуют смыслу событий). Увы, Сталин не имел тут ни четкого плана, а главное – достойных исполнителей, особенно после внезапной кончины убежденного русского деятеля А. Жданова. По смерти Сталина эта кампания была прекращена тоже «сверху» и глубоких корней в народе не породила. В качестве язвительного анекдота осталось в памяти: «Россия – родина слонов». А многое положительное было затоптано и забыто.

Брежнев не управлял страной, а плыл вместе с ней по течению судеб. В этом, кстати, была его главная положительная сущность. Он не мешал (или не очень мешал) естественному росту природных сил и течений. А уже с начала тридцатых годов в поверженной недавно России отчетливо наметился вектор движения в сторону русского национально-го самосознания. Более того, по сравнению с дореволюционным уровнем это сознание было сильно обогащено грандиозным опытом Великой Русской революции, имевшей именно всемирный размах и последствия. Так наш русский опыт естественным путем сделался опытом всемирно-историческим.

В этих благоприятных, по сравнению не только с двадцатыми годами, но даже и с дурацким богоборцем Хрущевым, почти тепличных временах вот с середины шестидесятых дружно, быстро и широко стало развиваться и расти Русское Возрождение. Не исключено, что когда-нибудь его назовут великим. Да, ибо, как уже теперь видно, всходы те принесли устойчивые плоды. Как истинно серьезное явление, оно шло снизу, от обширного слоя русского образованного сословия. Не вдаваясь в терминологические дебри, можно четко обозначить этот слой как народную интеллигенцию. Русскую.

И вот тогда вдруг по всей Руси Великой взросло и живет по сию пору, падая и поднимаясь, то народное движение из самых его глубин, которое ныне получило уже, наконец, общепринятое название – Русская партия. Что ж, значит, так

и станем себя именовать.

А уж как только не называли нас в недавнем прошлом! «Славянофилы», «русофилы», «патриоты» («квасные патриоты»), а вспомнив прошлое – «черносотенцы» или, оглядываясь на Запад, «нацисты». Но самым забавным в этом ряду стало нелепое слово «русисты». Именно так обозвал нас шеф КГБ Ю. Андропов в своей знаменитой записке на Политбюро с убойным названием «Об антисоветской деятельности Иванова А.М. и Семанова С.Н.», поданной 28 марта 1981 года. Марк Любомудров печатно возмущался потом; почему это слово с одним «с», ведь так именуют лишь зарубежных специалистов по русской культуре?! Теперь-то, набравшись сведений из самых разнообразных источников, можно запоздало разъяснить, сославшись на беседу с одним из бывших подчиненных Андропова, что подсказал это слово лубянским грамотеям... один из видных членов Русской партии, давно осведомлявший КГБ. Был он человек образованный и начитанный и обнаружил выражение «русист» в сочинениях одного из крупных русских публицистов начала XX века.

Как бы то ни было, но все эти и иные прозвища не прижились, а в итоге сам наш великий язык стихийно определил: Русская партия. Конечно, никакой «партией» в точном смысле слова мы не были ни в шестидесятих годах, ни позже, ни теперь, но выражение это приживется безусловно надолго. От судьбы не уйдешь, как и от собственного имени,

нравится уж оно или нет.

Чаще всего бывает, что дату рождения многих крупных общественных движений очень трудно определить, даже приблизительно. Но есть и примечательные исключения. Например, знаменитая в будущем партия большевиков содалась на скромном русско-еврейском собрании, названном в истории Вторым съездом РСДРП, дело произошло в июле – августе 1903 года. Так и отмечала большевистская партия свои юбилеи – в подполье и, будучи у власти, так и поминают себя ее нынешние никудышные наследники.

Не знаем, будет ли отмечать свои юбилеи Русская партия, но дата основания тут есть еще более точная – май 1965 года. Именно тогда в журнале «Молодая гвардия», который только еще восходил к своей будущей славе, была опубликована в номере пятом статья со знаковым, как теперь выражаются, заголовком «Берегите святыню нашу!». Каждое событие, большое или самое незначительное, может быть правильно истолковано лишь тогда, когда оно рассматривается в общем историческом контексте своей эпохи. Так и тут.

Слово «святость» и все производные от него были всегда остро враждебны материалистам-атеистам, а марксизму – в особенности. В двадцатые и начале тридцатых годов за неосторожное употребление этого слова могли и посадить. Перед войной слово это осторожно и постепенно разрешил к употреблению И. В. Сталин. В трагическом 41-м оно прозвучало в песне, ставшей военным гимном: «Идет война на-

родная, священная война». После войны употребление слова расширилось, не пресекаясь даже при Хрущеве, но смысл имело только гражданский, а отнюдь не духовный, тем паче, не православный. И вот почти через полвека после русофобского переворота слово «святыня» обрело, наконец, свое первоначальное значение, и не в тихой храмовой молитве, а в многотиражном общественно-политическом издании. Это было не только нечто новое, но и поистине революционное (или контрреволюционное? Но тут опять-таки все зависит от точки зрения).

Авторами этой статьи (а по сути – обращения и призыва к новому молодому поколению) стали известные и уважаемые деятели старшего поколения – скульптор Сергей Коненков, художник Павел Корин и писатель Леонид Леонов. Все они родились еще в XIX веке и пережили, не изменяя русскому искусству, страшные послереволюционные потрясения, но сохранили ту вековую народную традицию, без которой гибнет всякое человеческое общество. Сохранили и русскую православную традицию. И завещали ее молодежи, восстанавливая разорванную связь времен. Значение этого невозможно переоценить.

Так возникло то духовное начало, которое потом станут называть Русским Возрождением, а из деятелей его составитя Русская партия. Явление это уже получило свою периодизацию. Начальный этап – 1965–1970 годы. То было время начальных, порой наивных, а потому и по-юношески задор-

ных, открытых выступлений. Первыми приметными выступлениями в «Молодой гвардии» стали заметки И. Глазунова и В. Солоухина. Они имели широкий успех, но тут же получили осуждающий отзыв со стороны кругов либеральных. Впрочем, эти яркие публикации носили, так сказать, оборонительный характер: нехорошо, мол, недооценивать русскую культуру и ее памятники. Нехорошо, конечно, а почему это происходило и происходит? Ответ на эти серьезные вопросы и попытались дать молодые публицисты «Молодой гвардии», а это был уже переход в наступление.

На исходе 60-х в «Молодой» (мы так и называли журнал) появился ряд боевых публикаций, и наиболее известными в том ряду стали статьи М. Лобанова, В. Чалмаева и С. Семанова. О них уже накопилась обширная библиография как у нас, так и за рубежом. Русская партия заявила о себе открыто и громко. И если раньше «Молодую» кусали, так сказать, отдельные литераторы, то на исходе 70-го последовал уже осудительный приговор высшего идеологического начальства. В сентябре – брюзгливый отзыв от редакции «Литературной газеты», а в декабре – самого главного журнала, «Коммуниста». Этому предшествовало заседание Секретариата ЦК КПСС, которое в тот раз вел сам Л. Брежнев (редко он это делал, обычно – А. Кириленко или М. Суслов). Линию «Молодой гвардии» осудили, но очень мягко, всего лишь за увлечение «стариной». Редактора А. Никонова освободили, но перевели (тоже главным) в старейший журнал «Вокруг све-

та».

Второй этап – годы 1970–1972. Оказалось, что осуждающий глас со Старой площади никак не повлиял на лихих молодогвардейцев, они не только продолжили свое наступление, но и расширили его. Появились крепкие публикации в «Нашем современнике», «Москве», «Огоньке», даже в ряде провинциальных журналов, начали выходить боевые книги в издательстве «Молодая гвардия». Как будто и не снимали Никонова, не сердился теоретический орган ЦК «Коммунист». Русофобскую часть партийного идеологического аппарата это тревожило и даже раздражало. Так появилась известная статья фактического главы отдела пропаганды ЦК А. Яковлева в ноябре 1972 года в «Литературной газете». Там осуждались в привычных идеологических ярлыках почти все деятели молодой еще Русской партии.

Статья эта хорошо известна, не станем обсуждать ее. Скажем только, что Яковлев в своем карьерном нетерпении совершил главную оплошность азартного картежника – допустил перебор. И переиграл сам себя. Его осторожный Брежнев сослал послом в провинциальную Канаду, а русофобское выступление не стало «линией партии», как предполагалось по замыслу.

Получилось, что Яковлев, как ядовитый скорпион, сам себя укусил, однако в либеральном лагере это восприняли совсем иначе: мол, Русская партия имела сочувствующих ей на самом-самом верху, среди членов Политбюро. Тут следу-

ет разобраться.

Ныне стало известно много достоверного из эпохи Брежнева, и не по сплетням, а по самым подлинным документам кремлевских архивов и многим достоверным воспоминаниям осведомленных лиц. И оказалось, как это часто случается в подлинной истории, что многие расхожие суждения той поры оказались несостоятельными. Например, все мы полагали в 70-х, что сухой и мрачный Суслов есть наш недоброжелатель, а внимание его помощника В. Воронцова к нам есть нечто вроде контрразведки или даже похуже. Теперь выяснилось, что мы ошибались. Михаил Андреевич никаким русским патриотом, разумеется, не был как истинный марксист-ленинец, но как твердый советский государственный полагал, и разумно, что патриотическое начало необходимо так или иначе поддерживать. Что он и делал.

А вот «железный Шурик», как именовали А. Шелепина, выдвиженца Хрущева, никаким покровителем Русской партии не был, хотя именно это ему приписывала расхожая молва тогдашняя. Более того, ныне точно установлено, что он и его присные русской идее были совершенно чужды, партийные карьеристы, и только. Даже своему наследнику, лихому вождю комсомола в шестидесятых годах С. Павлову, он был совершенно безразличен. Зато Павлов проводил именно русскую линию. Он помогал Никонову в «Молодой гвардии», за что и поплатился.

Павлов, несомненно, был выдающимся русским полити-

ческим деятелем, и его жизнеописание еще ждет своего автора.

Сочувствовал Русской партии и Д. Полянский, открыто помогавший отважному И. Шевцову в его трудной литературной судьбе. Крупным и твердым русским государственнымником был белорусский партизан П. Машеров. Из провинциального Минска он осторожно, однако исключительно твердо помогал русским патриотам в Москве. В Кремле к нему относились настороженно, избрали его в 1966 году кандидатом в Политбюро, да так и остался он в этом половинчатом состоянии почти на 15 лет. Вплоть до странной своей кончины.

Особенно тут следует сказать о Константине Устиновиче Черненко. Кажется, в ту далекую пору в Русской партии к нему относились, судя по внешности: старый, невзрачный, невнятно говорящий... Теперь-то все выяснилось, образ его высветился совсем иначе. Как второстепенное, заметим, что в брежневском Политбюро он оказался единственным человеком с гуманитарным образованием (Шелепин не в счет, он был там недолго и на дела не влиял). Но главное в ином: он твердо придерживался не только советского, но и русского патриотизма, был враждебен Суслову, но особенно – русофобу Андропову. У слабохарактерного Брежнева он служил как бы противовесом им обоим. Он издалека, осторожно помогал деятелям Русской партии, хотя решающего влияния в Политбюро не имел. А Генсеком стал уже в больном состо-

янии и полностью взять власть в свои руки так и не успел, умер всего лишь через год.

Учитывая все эти несомненные обстоятельства, следует, тем не менее, признать, что поддержка «сверху» Русской партии была весьма незначительна. Все названные лица были не политическими деятелями, а серыми аппаратчиками, не умели толком даже интриговать (в отличие от Арбатова, Бовина, Иноземцева и прочих), имели весьма слабое представление о международной политической обстановке и месте в ней СССР-России. Они не могли не проиграть своим замаскированным противникам, и проиграли, что закономерно.

Но характерно, что молодогвардейские патриоты никогда не уповали и даже не надеялись на поддержку сверху. Они действовали как истые партизаны, сами, без приказа выходили «на железку» и подрывали по мере сил и возможностей вражеские составы. Именно в таком наступательном порыве проходил третий этап Русского Возрождения – последние годы семидесятых. Крупные победы перед грядущим разгромом.

Оглядываясь назад, нельзя не поразиться удивительным успехам наших публицистов и литераторов тех лет, а также их размаху и расширению по стране. Успехи эти следует признать тем более впечатляющими, что они сопровождались непрерывными поношениями в печати. И не только от литераторов-интернационалистов, нет, русских патриотов бра-

нили в «Правде», «Коммунисте», иных партийных изданиях. Никакого значения это все не имело. Как будто и не было никогда в СССР «диктатуры пролетариата» и не стояла у власти партия твердокаменных марксистов-ленинцев, воспитанных в духе «воинствующего атеизма»! Более того: «демократический Запад» охотно поддакивал партийной печати и тоже осуждал «русских националистов», публикуя «жареные факты», которые в целомудренной советской печати поминать было бы неудобно. И тем не менее; Русская партия наступала, завоевывая все новые рубежи.

Почему же такое стало возможным?

Тут приходится сказать слова, которыми слишком часто злоупотребляли и злоупотребляют: Русскую партию поддерживал народ. Оговоримся уж для исторической достоверности: большинство советского многонационального народа и слыхом не слыхали о книгах, статьях и делах русских патриотов. Так, но знало о том все «образованное сословие», и не только в обеих столицах. Боевые публикации замелькали в ту пору в целом ряде изданий и издательств в провинциальных центрах – Ростове, Саратове, Новосибирске, Иркутске, Петрозаводске, Вологде. Более того, за линией Русской партии внимательно наблюдал средний слой идеологических работников и средний совпартаппарат, ведь журналы выходили тиражами в несколько сот тысяч, а «Комсомольская правда», «Советская Россия» и «Человек и закон» – миллионными. Было что читать! По множеству откликов, которыми мы

уже тогда располагали, народ, низовой госпартаппарат, военные и правоохранительные органы весьма сочувствовали призывам к порядку, русским корням и укреплению народной нравственности. Осмотрительное брежневское руководство о том, разумеется, ведало и не могло не учитывать в своей идеологической политике.

И учитывали. Несмотря на печатную брань в адрес русских патриотов, Брежнев, Суслов и Черненко, руководившие и внимательно следившие за идеологией, строго избегали главного воздействия советской эпохи – так называемых «оргвыводов», то есть, проще говоря, снятия и замены руководящих кадров. Попытки таких мер предпринимались партработниками разного уровня, но на самом верху это не встречало поддержки. Так дело могло бы тянуться сколь угодно долго, но резко и неожиданно сыграл тут зловредную роль мрачный, замкнутый и молчаливый шеф Лубянки Андропов.

Теперь русофобские настроения его документально выявлены и описаны, мы тут об этом говорить не станем. Важно напомнить лишь тогдашний политический контекст: через свое доверительное лицо, главного кремлевского лекаря Е. Чазова, отлично был осведомлен Андропов о тяжелом состоянии здоровья руководства Политбюро – Брежнева, Суслова, Кириленко и Черненко. Снедаемый неуемным и тайным честолюбием, он торопил свой час, а некоторые деятели Русской партии уже стали числиться в «кадровом резер-

ве» высоких партийных подразделений. Ясно, что Андропову такое было совсем не на руку, не говоря уже про общее неприятие и русского патриотизма. И он решился на крайние меры, хотя, надо полагать, понимал, что дело это обнажит его истинную суть.

Все спецслужбы всего мира действуют только исподтишка, основной характер их деятельности – провокации, так было всегда, для чего эти органы и создаются. Приклеить к деятелям Русской партии политические обвинения было нельзя, все они искренне и открыто стояли за Советскую власть, в диссиденты не стремились, с иностранцами не ящались, взяток не брали. Андропов применил способ, который с гениальной краткостью выразил Мао Цзэдун: «Огонь по штабам!» В декабре 1980-го некий мелкий чиновник подал в партийные органы записочку, что недавно слышал, как Ганичев, один космонавт и несколько их друзей, находясь в бане, произнесли, якобы, некие слова о желательности... ну, несколько обновить высшее партийное руководство. Известно, что Ганичев, космонавт и их товарищи спиртным не злоупотребляли и языки не распускали. Нет сомнений, что донос был изготовлен в «Пятке» (5-е управление КГБ, глава – Ф. Бобков).

Увы, бумага была рассчитана толково. Старцы тогдашнего Политбюро крайне ревниво и раздраженно относились к таким пересудам. Вряд ли до них лично изделие дошло, но в аппарате ЦК (в особенности в отделах пропаганды и культу-

ры) было немало врагов Русской партии. Они и постарались дать делу ход, благо внешне все выглядело обыденно: баня, выпивка, лишние слова. Парторганы такие дела разбирали постоянно и с высказываниями не стеснялись.

Ганичев, как главный редактор центральной многомиллионной газеты, был в номенклатуре самого Политбюро, высшая номенклатурная ступень, поэтому ему объявил о снятии секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин. Он объявил Ганичеву об увольнении и переводе на нижестоящий уровень без каких-либо пояснений. Для всех – и друзей, и недругов – это стало неожиданным и грозным предупреждением.

«Казус белли» с Ганичевым, секретность обвинений против него вызвали естественное смятение в Русской партии. Но партию эту Андропову надо было не только обезглавить, но и разгромить. Так вот и появилась три месяца спустя записка про «антисоветскую деятельность» Семанова, подписанная уже самим главой КГБ. Документ этот следует признать образчиком политического интриганства. По распределению обязанностей в Политбюро именно Генсек Брежнев, выражаясь аппаратным языком, вел КГБ, пристально вникая во все важные их дела (хорошо запомнил, как снимали Хрущева!). Андропов не раз направлял записки по таким серьезным вопросам на имя Генерального, по поводу Сахарова и Солженицына, например. Отметим, то были записки для Генсека и направлялись непосредственно на его имя. В этот раз было иначе.

По незыблемому правилу, существовавшему в аппарате ЦК со сталинских времен, любые документы, от писем трудящихся до докладных членов Политбюро, направлялись исключительно через Общий отдел – знал, что глава Общего отдела Черненко его русофобский выпад сможет как-то приостановить и загодя предупредить Брежнева. И шеф госбезопасности решился на меру довольно-таки необычную, его записка была направлена всем членам Политбюро, «веером», как говорится. Больной Брежнев и столь же больной Черненко были поставлены перед фактом, возражений с их стороны не последовало.

А ведь доказательная часть андроповской записки была весьма жидкой, даже неверной, и никакой серьезной проверки не выдерживала! Ну, обвинять нас, истинных сторонников Советской власти, в «антисоветчине» было как-то странно. Более того: в записке сообщалось членам Политбюро, что зловердные «русисты» привечаются в посольствах США, Италии, ФРГ и Канады. Четверть века миновало с тех пор, все вокруг нас изменилось, но могу поклясться, что ни разу в жизни в тех посольствах не побывал, даже не знаю, где они находятся (кроме американского, конечно).

Но дело было сшито добротнo, меня сразу же убрали из журнала «Человек и закон»; выбросили, как тогда выражались, «на улицу». Разумеется, это тоже произвело гнетущее впечатление на наших товарищей. В ту же пору разгромили русское издательство «Современник», пригрозили изда-

тельству «Молодая гвардия», стукнули «Наш современник», сняли редактора патриотического журнала «Волга», кое-кого еще предупредили.

Восставить свои силы Русская партия не смогла вплоть до горбачевской «перестройки». Это пагубно сказалось на всех дальнейших идеологических событиях в стране.

Но это уже – иной рассказ.

«Молодая гвардия» русского возрождения

Начало русского возрождения навсегда останется связанным с легкими и лихими словами – «Молодая гвардия». Но что же такое русское возрождение?

Революция 17-го года была следствием широкого и глубокого недовольства русского народа существовавшим общественным строем (оговоримся с самого начала: русские – это великорусы, украинцы и белорусы, вместе взятые). Теперь очевидно, что дореволюционная Россия была расколота со времен петровских преобразований: правящий класс оторвался от народа, его корневой культуры, обычаев, традиций, нравственности. Правильно подметили поздние славянофилы, вроде Леонтьева: для русского крестьянина बारे были те же иноземцы. В общем, это верно. Даже великий Пушкин одевался в простонародное платье, посещая ярмарки, но вотще: народ все равно узнавал в нем переодетого барина.

Все великие революции обходятся своим народам дорого, вспомним жертвы и потрясения английской или французских революций. Великая русская революция, в отличие от названных, обладала одним небывалым свойством, которое многократно увеличило ее разрушительное начало. Поскольку вопрос серьезный и острый, следует выразаться

крайне осторожно. Так вот, Кромвели и Фоксы, Мараты и Робеспьеры, соратники-противники были людьми жестокими и крутыми, пролили потоки английской и французской крови, так, но все они были – по-своему! – горячими патриотами Англии, Франции, мечтали – по всему! – о величии своей Родины. И не случайно ведь, что Англия становится мировой державой при Кромвеле, а наследник якобинцев Наполеон чуть было не сделал Европу французской. Хорошо это, худо ли, навсегда останется предметом споров, но бесспорно, что Кромвель и Наполеон были патриотами своих отечеств.

Иное положение сложилось в России. Волну великой русской революции оседлали люди глубоко не русские по крови и духу. Конечно, в социальной истории случается всякое (ведь и Наполеон был не чистый француз, скорее итальянец), но безусловным отличием октябрьского переворота стало то, что его вожди не только не были русскими, но люто, до дрожи ненавидели Россию. Они повели за собой озлобленные низы и победили своих романтических и разрозненных противников.

История творится людьми, а не абстрактными «закономерностями». Так вот о лицах. Грузин Сталин (первая жена грузинка, вторая русская) в первое десятилетие Советской власти придерживался русофобских взглядов, впоследствии он резко переменялся в силу многих причин, это уже иное дело. Яростным русофобом был и сомнительный по-

ляк Дзержинский, женатый на дочери из богатого еврейского семейства в Варшаве. Русофобом был и сомнительный русский Бухарин (первая жена Гурвич, вторая Лурье), некоторые полагают его сегодня чуть ли не страдальцем за русское крестьянство. Этим несведущим полезно прочитав хотя бы одно его сочинение, легко доступное в любой библиотеке, — статью о Есенине в «Правде» в 1927 г: поношение русского народа и его культуры тут столь разнузданно, что выделялось даже на тогдашнем ядовитом фоне. Что же тогда вспоминать о Троцком, который в начале 20-х давал директивы об отсталости и примитивности русской истории, о всех этих Свердловых, Раковских, Радеках, Зиновьевых, Луначарских и бесчисленных прочих и подобных, самым приличным из которых был сын выкреста Каменев? А ведь здесь названы истинные, а не подставные руководители страны в первое пореволюционное время (Калинин никогда не стоил ничего, хотя и его вторым браком женили, как положено, как и Рыкова). Ленин, в ком перемешалось полдюжины самых разных кровей, был по культуре и воспитанию, безусловно, русским, но о его любви к России лучше уж не говорить; кто сомневается, пусть раскроет его сочинения. Не надо забывать и тот известный факт, что российская революционная эмиграция была сплошь масонской. О большевистских вождях достоверных сведений пока, правда, не обнаружено, но иметь в виду это обстоятельство следует: масонство начала века отличалось особой ненавистью к православной и кон-

сервативной России. А теперь напомним: в сохранившихся высказываниях Марата и Робеспьера есть много всякого, но из них нельзя все же вычитать, что Франция – это помойка, а французы – полускоты...

Не будем здесь говорить о противниках Октября, они были столь разнообразны и самостоятельны, что один перечень их занял бы очень много места. В основном борьба с красными велась в двух течениях: белогвардейском и прогрессивно-демократическом. Обе стороны потерпели поражение, хотя каждая имела возможность для успеха (Деникин – летом 19-го, социалисты – весной 21-го). Потерпев поражение, они решили, как обычно, что оно случайно и временно. Началось долгое, но совершенно безнадежное продолжение борьбы, которое, затухая, дотянулось до Второй мировой войны. Оба названных направления и множество промежуточных полностью исчерпали себя: в современной России никому не придет в голову создавать Добровольческую армию или призывать к Учредительному собранию. Теперь все это уже история, и только история.

Среди победителей, как всегда бывает, тут же начались расколы и разногласия, которые уже в условиях Советской власти быстро выяснили два взаимоисключающих подхода. Один – первоначально наиболее сильно укорененный в верхушке власти – это космополитический идеал всемирной революции, где красная Россия является лишь переходным этапом и средством. Второй – государственно-автарки-

ческий, с опорой прежде всего на собственные силы, а отсюда – с оглядкой на собственные национальные интересы. Так возникла знаменитая дискуссия о возможности или невозможности «построения социализма в одной стране», которая сотрясала партию в течение нескольких лет. Итог известен: победил Сталин и начал создавать авторитарную и хозяйственно замкнутую империю. Империя эта первоначально ограничивалась урезанными пределами старой России, а в конце его жизни громадно распространилась. Кровавые насилия сталинского правления хорошо известны и ничем не могут быть оправданы, но не подлежит никакому сомнению: его победа над Троцким имеет в судьбе России значение, сравнимое лишь с величайшими свершениями нашей истории.

Сталинская послевоенная Россия 40-х годов была уже совершенно иным обществом, чем Россия послереволюционная. Произошло нечто вроде «славной революции» в после-кромвелевской Англии и нечто вроде наполеоновского переворота во Франции. Канули в Лету русофобские мерзости Троцкого-Покровского, восстал из праха Православная церковь, понятия «русский» и «Россия» вновь приобрели положительный смысл, произошло в мелочах и прямое восстановление прошлого: советские школы стали походять на гимназии, вошли в обиход отмененные было слова «генерал», «офицер», «министр», а слово «интеллигент» перестало быть бранной кличкой. Главное, однако, состояло в том,

что после войны в России к власти в общем и целом опять пришли патриоты, преимущественно русские по происхождению. Какие уж они были, на каких учебниках воспитаны – другой вопрос, но свою Родину – в их понятиях – они безусловно любили.

Сталинский режим был очень суровым. Всеобщее крепостное право не могло не вызывать широчайшего (и глубоко скрытого, конечно) недовольства. Какие же идеи это недовольство могло порождать? Реставрация стала бессмысленной утопией, «демократический социализм» был так опорожен историей, что его забыли. Словом, на исходе сталинского правления в России не имелось никаких противостоящих идей (грубой и примитивной пропаганде тогдашних «Голосов» не верили даже голодающие колхозники).

Смерть Сталина и хрущевские выпады против его наследства вновь породили в стране по второй половине 50-х годов общественное и идейное движение, чего не было 30 лет. Нетрудно догадаться, что оно началось как бы с прерванного предела: вспыхнула как бы «вдруг» борьба между наследниками сталинских имперцев-централистов и сторонниками троцкистского революционного космополитизма. Под другими названиями, не поминая, разумеется, предшественников, повели меж собой ожесточенный спор «Октябрь» и «Новый мир». Ничего русско-патриотического в тех шумных спорах не было: новомировцы воспитывали интеллигенцию в либерально-демократическом духе (позже это вполне

выявилося в «пражской весне»), главными героями их были «жертвы культа личности», под которыми понимались, конечно, не сонмы замордованных русских священников, дворян, разночинцев-интеллигентов и крестьян, а исключительно сподвижники Троцких и Тухачевских. Кочетов, женатый на еврейке, имея главным советником Идашкина, был сторонником сталинской автократии, но отвергал любое русское своеобразие, а Православную церковь числил в одном ряду с ЦРУ и западногерманскими реваншистами.

Внешне не заметная, возникла в советской общественной жизни пресловутая «ловушка Иоффе» (так называется известный процесс в теоретической физике): пробуждающемуся русскому сознанию предлагались на выбор либеральный «Новый мир» или консервативный «Октябрь», но куда бы ни пошел тут несчастный русский человек, он в равной степени оказывался далеко-далеко от подлинной своей духовной Родины.

Положение стало резко меняться с 1965 года: появилась «Молодая гвардия», возглавляемая Анатолием Никоновым. Об этом человеке со временем будет написано много, а сейчас, когда он скончался в полной неизвестности, пришла пора сказать: то был подлинный русский самородок. Получив неважное образование, лишенный литературных и иных гуманитарных дарований, он обладал природным вкусом и безупречным чутьем на все хорошее и дурное. Самодумкой, без подсказки он понял значение русской истории и культу-

ры, распознал разрушительные силы, плясавшие на поверхности в разного рода маскхалатах. Необычайное обаяние и бескорыстие позволили ему сделаться подлинным вдохновителем первых, важнейших шагов русского возрождения. Как и положено у нас, недооцененный современниками на родине, он получил должную оценку у международных русофобов. Сомнительный француз Леон Робель, женатый на выпускнице МГУ и вхожий во многие московские салоны, писал в 1972 году в парижском либерально-марксистском журнале: «Когда Александра Твардовского вынудили отказаться от руководства журналом «Новый мир», во всем мире много говорили об этом... Когда же в начале прошлого года главный редактор журнала «Молодая гвардия» был освобожден от своих обязанностей, это решение, политически намного более важное, прошло при полном молчании...» Да, Робель знал свое дело: снятие Никонова было действительно «политически более важным», чем отставка спившегося и устаревшего Твардовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.